

18+

Эйрик Тодвирдсон

Корона Мечей

Эйрик Годвирдсон

Корона Мечей

«Издательские решения»

Годвирдсон Э.

Корона Мечей / Э. Годвирдсон — «Издательские решения»,

Юный рыцарь Аэд мечтает о славе и доблестных подвигах. Его друг Арвин — о снятии опалы со своего имени и имени рода. Знатная девушка Фиона — о лучшем будущем для всех людей родной земли. Но королевство Аскалон переживает сложные времена — штормовые, грозные. Спасти привычный мир и страну сможет лишь тот, кто отыщет давным-давно ставшую легендой Корону Мечей — но существует ли она на самом деле, или дерзнувшему пойти за ней суждено сгинуть в плену древнего проклятия?

© Годвирдсон Э.

© Издательские решения

Содержание

Эйрик Годвирдсон.	6
Песнь о Короне Мечей	6
Часть 1	7
1	7
2	15
3	20
4	26
5	31
Часть 2	39
6	39
7	48
8	53
9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Корона Мечей

Эйрик Годвирдсон

Дизайнер обложки Елена Сергеевна Савинкина

© Эйрик Годвирдсон, 2026

© Елена Сергеевна Савинкина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-8647-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эйрик Годвирдсон. Корона Мечей

Песнь о Короне Мечей

*В королевском дворце Аскалона
Светел огромный зал.
В мир здесь сошла сама красота:
Лунный мрамор и сотни колонн
Что белизной поражают взор —
Мнится, будто волшебный лес вокруг восстал.
В зале том, точно в луче небесного света паря,
Стоит трон вечного нашего короля...
Пуст и холоден трон — и корона на нем век полный не знает чела.
Корона ждет, корона о сильной руке вопиет —
Доколе лежать на сиденье пустом?!
Алкает корона прихода того,
Кто в жесте простом коснется ее — и власть обретет...
Кому покорится Корона Мечей?
Волей богов в мир пришла — и боле ничьей
Людям дана, чтоб мир в королевстве стеречь
Чтоб истину и ложь мог любой легко отличать
Чтоб праведным был закон и уклад,
И крепка закона того печать
Покуда времени отмерено в мире течь.
Но опустел трон, осиротела страна
Корона ждет, корона о сильной руке вопиет.
Пустым прозябает трон, и щит обветшал;
Меч боле не помнит звука мольбы о пощаде из уст врага.
Ждет, вечно ждет Аскалон своего короля.*

Часть 1

1

Блеск и звон. Воздух наполняли солнечные блики на полированной стали и лязганье встречающегося друг с другом металла. Дополненные лошадиным ржанием, гулкими ударами копыт, дымом жаровен, людским многоголосьем и звуками дудок и горнов, блеск и звон царили над ристалищем.

Турнир этот был крупным — гораздо крупнее всех, что до этого видел Аэд. И все-таки любой турнир это в первую очередь лязгающий звон стали и расплавленное серебро солнечного света, текущее по начищенным доспехам и клинкам. Аэд с усмешкой подумал — с непривычки в пору бы ослепнуть и оглохнуть, но сир Ольрик не зря возил с собой Аэда на все подобные сборища еще сильно раньше того дня, как юноше вручили его собственный меч, с которым ему теперь позволено выйти в турнирные состязания для младшего рыцарства.

По традициям Аскалона, юноши, годами и воинским мастерством уже переросшие звание помощников и щитоносцев, и желающие заявить о себе, по благоволению своего господина получали статус «младшего рыцаря» и допускались на турнирах лишь до пеших поединков. Обыкновенно в этом статусе имеющие талант к воинскому искусству редко задерживались надолго — все-таки чаще всего юноша из благородного семейства мечтал о полновесных рыцарских шпорах, коне и гербовом табарде, а значит, всеми силами рвался к заветной цели, стремясь отличиться. Но случалось, впрочем, всякое.

Бывало, кто-то оставался пешим воином всю жизнь — Аэд был осторожен в суждениях и не спешил таких противников про себя клеймить либо бесталанными, либо лишенными амбиций бездельниками: мало ли почему благородный воин лишился права на сражения в конном строю на турнире?

Но все-таки при всей своей осторожности в словах и мыслях — о, как долго пришлось ему приучать себя к ней! — Аэд не сдержал кривоватой усмешки, окинув противника взглядом еще раз. Под забралом все равно ее было не видно, а сужденный жребием воин, против которого он вышел сейчас, не вызывал в юноше особо добрых мыслей. Он был высок, не ниже самого Аэда — но старше его лет на семь, грузен и тяжеловесен в движениях, а главное, не чурался приемов, которые сам Аэд почитал если не бесчестными, то точно не служащими красоте боя.

Юношу начинала раздражать привычка противника — того звали сиром Эвериком — то и дело сокращать дистанцию и, навалившись на клинок, вынуждать Аэда сдерживать его вес: тем самым он лишал его возможности действовать быстро.

Устав от бесконечных парирований, переходящих в толкотню, Аэд вывернулся из-под очередного нанесенного сверху удара — клинок Эверика проскользил вдоль лезвия его меча, а сам противник, влекомый инерцией, едва не потерял равновесие. Не медля, Аэд контратаковал хлестким ударом — звонкий щелчок по затыльной пластине шлема сира Эверика был встречен одобрительным гулом зрителей.

«Наконец-то», — вздохнул про себя юноша. До этого удары, которыми он доставал противника, были лишь скользящими, и преимущества ему не приносили. Найдя наконец прием, позволяющий быстро вернуться к привычной скорости поединка — Аэд предпочитал бить быстро, не размениваясь на долгие примеривания и взаимные расшаркивания — он заметно воспрял духом. Но радовался юноша, видимо, рано. Все-таки сир Эверик не собирался уступать победу — и вот Аэд и сам пропустил увесистый щелчок по шлему: от немилосердного звона в ушах бойцов спасали лишь на совесть сработанные подшлемники.

Впрочем, едва ли это могло бы вывести в победители очевидно выдыхающегося Эверика. Конечно, Аэд тоже устал, и бой затягивался, но выносливости у более юного и более верткого (а также, будем честны, прозорливо не злоупотреблявшего накануне вином, даже разбавленным) бойца шансов добрать недостающую пару-тройку победных попаданий все еще было больше: бой шел до двадцати точных ударов, и шестнадцать из них уже было нанесено. На деле, конечно, счет шел не самих ударов, а их турнирного «веса» — судьи оценивали каждый прием и периодически объявляли счет за каждым и сражающихся. Аэд, Впрочем, ровно на один удар опережал Эверика. И точно так же не собирался сдаваться. Увидев, как противник замешкался, он сделал колющий выпад. По расчетам Аэда, удар должен был прийтись в сочленение меж кирасой и наплечником — зря сир Эверик так далеко назад отводит руку, зря...

Сосредоточившись, Аэд атаковал. И в этот момент солнечный блик ярко резанул по глазам — как будто в прорезь шлема нарочно кто-то направил луч от крохотного зеркальца. Довершал движение он уже толком не видя цели — но зная, что промахнуться не мог.

Блеск. И звон.

— Удар на три очка! — крикнул кто-то из толпы. Загудел чуть гнусавый рожок, заулюлюкали отирающиеся ту же артисты — им, пожалуй, было все равно, кто победит, но Аэд слышал, что Эверика не слишком-то жалуют среди простого люда. Шум перекрыл сердитый короткий взрев судейского горна. И следом — звонкий удар, который Аэд не столько услышал, сколько почувствовал — сбоку в плоскость шлема. Увидеть, как же Эверик умудрился его нанести, юноша почему-то не сумел: в глазах все еще плясали яркие пятна — горящие темным огнем в центре и с многоцветной сияющей кромкой, они мутили зрение. Юноша поднес руку к лицу, но лишь металл клацнул о металл. Что за ерунда, подумал он. Как будто огненной вспышкой, нарочно... И следом почувствовал весомый тычок под горжет шлема спереди. Кончик турнирного меча противника уперся в плотно пригнанные доспехи, не позволившие клинку пробить защиту. Удар был подлый, а главное, Аэд, силясь проморгаться, даже не успел поднять руки с мечом, чтобы его встретить. И тут он все понял. Он уже видел такие штуки, и даже гадать не было нужды, отчего вдруг так вышло.

— Первая атака — мимо! — крикнул герольд. — Сир Аэд наносит скользкий удар, не идущий в зачет! Сир Эверик получает балл за рубящий удар и три — за колющий! Поединок продолжается до еще одного удара!

— Нет, не продолжается, — тряхнув головой, Аэд дернул забрало вверх и швырнул меч под ноги. — Сир Эверик сжульничал: амулет вспышки в перекрестье меча нельзя назвать честным приемом, и я отказываюсь от дальнейшего поединка. — К тому же... а, это не важно. Важно то, что я лично клялся сражаться честно.

— Что? — вскинулся Эверик. — Да как вы смеете, сир?

Аэд сердито уставился на противника — тот и не подумал поднять забрало, стоял, подбоченившись и небрежно опершись на отставленный чуть в сторону клинок. Юноша едва сдержал желание сплюнуть в охристую пыль ристалища.

— Проверить меч! — крикнули из толпы. — Герольды, чего спите-то?

— Я протестую, это гнусный навет, — Эверик наконец щелкнул забралом и, сдвинув брови, повернулся к судейской трибуне. — Если юноше солнечный блик показался нечестным приемом, то при чем же тут я? Уж не от светила ли небесного хотите ли требовать объяснения, ха-ха, почему так вышло?

Аэд pokrutil головой — увидел, как зрители взбудораженно оборачиваются и перешептываются, о чем-то неистово спорят герольды, а через толпу, проталкиваясь, к ристалищу с разных сторон побираются люди — видимо, те, кто стоял дальше прочих, но заинтересовался случившимся.

Позади через ограждение ристалища кто-то грузно перепрыгнул — и Аэд ощутил на своем плече тяжелую руку. Затем из-за его спины вышел вперед сир Ольрик и внушительно произнес:

— Меч, — и кивнул на лежащий подле клинок.

— Ты же наверняка сам всё видел! — Аэд запальчиво вскинулся. Ну не мог же дядя, в самом деле, просмотреть такой заметный фокус! И сам Аэд точно не ошибся — ни один природный отсвет не способен лишить зрения глаза, защищенные тенью забрала, так сокрушительно! А ведь с ним так и случилось. Аэд хотел было что-то еще сказать, но наткнулся на серьезный взгляд и сведенные седые брови дяди — а потому лишь молча поднял меч.

— Никогда так не делай, — все так же весомо проговорил дядя-наставник, и лицо его немного смягчилось. — Твой меч — это твоя честь, мальчик мой. А бой мы обсудим позже. К тому же это еще не конец.

И сир Ольрик вернулся за ограждение, едва не столкнув балансирующего на верхней перекладине рослого актера в небрежно подпоясанной зелено-желтой котте-мипарти и лихо напыленном длиннохвостом шапероне, таком же двухцветном, хотя изрядно линялом, с растрепанным до торчащих ниток кончиком хвоста-пайпа. Взгляд у парня был на удивление цепкий, хотя на физиономии играла широченная лихая усмешка.

Аэд снова огляделся. Его пожирали взглядами вообще все — как, впрочем, и его противника. Споры из-за подсчета очков за тот или иной удар не назовешь редкостью, но вот в применении колдовских уловок противника обвиняли далеко не каждый день, что верно то верно.

Все еще чувствуя взгляд дяди в спину, Аэд взял себя в руки. Хотел было обратиться к судьям и герольдам, которым Эверик как раз с нахальной улыбкой демонстрировал свой меч — вот, благородные господа и сир, убедитесь, ничего нет, никаких амулетов, ну что вы, камень в перекрестье и был всегда так тускл, что неудивительно, ведь ему много лет...

Юноша промолчал, лишь плотнее сжал руку на мече, но тут же расслабился, и вместо того, чтобы бросить вызов своему нахальному противнику уже всерьез, вложил клинок в ножны — и медленно поклонился: раз на него смотрят, пусть видят рыцаря, а не запальчивого дуэлянта. Поклон он адресовал в сторону высокой трибуны знатных дам. Никого конкретно из них по именам или в лицо он не знал — для Аэда наблюдающие турнир дамы были символом недостижимой утонченности и возвышенной красоты, и себя он полагал слишком незначительным, чтобы просить любую из этих прекрасных созданий в благоухающем шелке и цветах о праве сражаться за ее имя. Для такой дерзновенной куртуазности нужно сперва сесть на коня и получить шпоры, в самом деле! Но дамы явно отметили и его поклон. Во всяком случае, Аэд чувствовал, что на него смотрят с вниманием. Одна из юных леди, облаченная в ярко-лазурное и золотистое, с белым легким покрывалом на волосах, и вовсе сперва задержала взгляд на юноше, потом чуть заметно кивнула, как бы подбадривая — а после повернулась к старшей подруге и что-то сказала. Дама постарше, ослепительно красивая статная леди с волосами цвета темной меди, стянутыми жемчужной сеткой и облаченная в роскошный винно-красный и шафрановый, выслушала девушку. Юная госпожа в лазурном говорила очень серьезно, и старшая дама вняла ее словам, судя по всему. Посовещавшись с еще парой других леди, она с повелительной улыбкой подозвала герольда и что-то внушительно пояснила ему, а после отправила к судьям, вручив темный шелковый лоскут.

Судьи оторвались от спора — и герольд озвучил сказанное ему дамами:

— Собрание прекрасных дам, наши сиятельные леди передают свое волеизъявление: последний удар, нанесенный сиром Эвериком из Ниса сир Аэду из Ланстевана, не засчитывать! Удар под горжет шлема мог бы принести три полновесных очка, но был нанесен, когда противник опустил руки и не мог защититься от атаки, что дамы признают не подобающим куртуазным высоким манерам рыцарского турнира, и находят оскорбительным для глаз гостей такого высокого созыва, как ныне! А поскольку поднят вопрос, не прибежал ли сир Эверик к

иным нечестным приемам, и буде окажется он после проверки чист — дамы велют назначить три дополнительных удара, если противники пожелают сойтись вновь, дабы поставить точку в этом выходе! Кто нанесет два из трех — будет считаться победителем.

— Возмутительное предположение, что я мог бы сжульничать! По законам чести мне бы стоило вызвать уже не на турнирный бой обвинившего... — Эверик, получив назад меч из рук турнирных магов и заявление, что «следов магии в клинке не чувствуется», оживился. Выкатил грудь колесом и ухмыльнулся в подвитые усы, явно решив, что теперь может побороться уже за полное оправдание. То, что дамы отправили ему черную ленту — герольд вручил ее после объявления, и Эверик с недовольством скомкал ее в руке — его раздосадовало, оттого и подогрело желание поквитаться.

Аэд почувствовал, что закипает. С клацаньем сомкнул пальцы на рукояти меча — так сильно, что под латной перчаткой у него наверняка побелели костяшки.

Но закончить свою мысль сир Эверик не успел: тот самый актер, что сидел на ограждении, вскочил на ноги и, пройдясь по нему — каким-то чудом баланс он держал на узкой балке не хуже, чем на твердой земле — спрыгнул на ристалище и размашистым шагом пересек его, встав аккурат между Эвериком и Аэдом.

Широко развел руки, привлекая к себе внимание — в одной у него болтался набитый тряпьем тощий куль из мешковины, расписанный углем и дешевыми красками — глаза, нос, усы... кажется, куль изображал какого-то зверька, наверное, крысу. Вон и лоскуты пришиты в виде ушей, и короткая веревка вместо хвоста имеется.

— Ах какая незадача, добрые зрители, гости наши, горожане, сиры, леди, да и простой люд! Ну вы только гляньте! Сир Эверик! Да вы-то, я смотрю, прославленный удалец! Дамы наши, цвет Аскалона и услада глаза любого, — актер взмахнул «крысой», как снятой шапкой, и поклонился одновременно нелепо-размашисто и изящно, как придворный распорядитель. — На вид вам ставят, что ударили вы вашего противника, когда он вам ответить не мог, а вы его за то еще и задираете! Так вы, сир, видимо, знаете, как это зовется!

И актер взмахнул мешком-«крысой» еще раз. Грохнул смех — даже дамы не сдержали улыбок, а собравшиеся поблизости купцы и горожане вовсе сорвались на хохот и улюлюканья. Снова взвыл шутовской рожок. Эверик начал раздуваться, как весенняя жаба, но кто-то из герольдов увел его прочь, якобы для улаживания формальностей.

Едва шум умолк, Аэд еще раз поклонился в сторону дам, стараясь, чтобы его движения оставались так же легки и непринужденны, как если бы на нем не было полного латного доспеха.

— Я благодарю прекрасных дам и судейство, но все это напрасно, — Аэд покачал головой. — Я не намерен продолжать этот бой. Даже после всех проверок и на три дополнительных удара. Что же до... — он собирался заговорить о дуэли, но не успел.

— А что до продолжения боя, так позвольте тогда вместо вашего прежнего противника выйти мне! — снова влез, шутовски раскланиваясь, тот хитрец. — Как зачинщик, выбираю оружие! Соболаговолите, благородный сир из Ланстевана, принять поединок!

Аэд сообразить не успел, как ему в руки всунули неведомо откуда взявшийся точно такой же куль-«крысу», как у паясничавшего молодца в зеленом и желтом. Потом уже юноша сообразил — товарищи-артисты просто перекинули еще одну такую же заводиле, и он уже и вручил ее Аэду.

Быстро оглядев всех собравшихся, Аэд, сперва думавший возмутиться, вдруг захотел подыграть. Неожиданно для себя он почувствовал, что вовсе не злится на дурачащегося пройдоху, а люди вокруг смотрят на него с симпатией и сочувствием. А действие, затеянное актером, всем показалось вполне уместным — даже та строгая юная леди в лазоревом вдруг улыбнулась.

Опустив забрало, Аэд поднял руку с кулем:

— Так назовите же себя, э-э-э...

— Сир Крысий Друг! — крикнули из толпы. Но замечание, по всему, не слишком оценили — ибо следом раздались звуки потасовки и неудачливый шутник умолк.

— Ну уж нет, это не по моей части, такая дружба, — ухмыльнулся «шут». Аэд вдруг подумал, что парень этот, пусть и наряжен как самый распоследний балаганщик, да и старше его самого от силы года на четыре, смотрит уже отнюдь не как праздный гуляка и весельчак, а как человек, отлично знающий цену себе и другим. Глаза его, цепкие, ярко блистающие на загорелом, но вовсе не обожженном солнцем, как это бывает у много скитающихся под открытым небом людей, лице, оказались неожиданного сочного зеленого цвета, а выбивающиеся из-под шаперона растрепанные локоны — темные, как у корта, ну или прибрежного этенца, если цвет глаз учесть. — Зовите меня, ну, скажем, Бедо Бродягой.

— Пусть будет так, — Аэд негромко хохотнул. И, перехватив шутовской куль поудобнее, размахисто треснул заводиле по загривку. Впрочем, тот с потешным восклицанием проворно отскочил, и сам не преминул отвесить довольно ловкий шлепок. Тряпочная «крыса» весила не больше подлокотной подушки для чтения, так что можно было и потешить зевак вволю — и Аэд принялся гонять охотно подыгрывающего артиста так и сяк. Только вот очень скоро юный рыцарь сообразил, что артист не так-то прост — особенно когда тот, не на шутку увлекшись игрой, перехватил расписной мешок на манер кистеня, и провел ловкую серию хлестких атак — того и гляди, бедная бутафорская крыса явит всему честному люду свое нутро! Глаза артиста сверкнули очень знакомым задором — таким явным, что Аэду вдруг показалось, будто он сейчас не на турнирном ристалище, а на заднем дворе замка, с оруженосцами и прочими молодыми воинами, дурачится, как прошлым летом, бывало, дурачились, гоняя друг друга мешками с соломой — и разминка, и скучную работу по замене набивки у тренировочных чучел скрашивает.

— А вы, я гляжу, не то что бы просты, сир шут, — хмыкнул Аэд, когда его напарник, вдруг, точно спохватившись, от совсем пустячного хлопка тряпочным кулем вдруг растянулся в пыли, смешно всплеснув руками и выронив свое «оружие». Котта-то на нем отменно шутовская, да и шаперон будто еще его дед носил, отметил Аэд, а вот на ногах — шоссы из хорошей тонкой ткани, и отлично скроенные, между прочим. И ботинки вовсе не бедняцкие, надо сказать. Неужто актеры так хорошо зарабатывают в своем кочевье?

Юный рыцарь приблизился и подал руку лежащему в пыли актеру. Тот смерил его любопытным взглядом, неожиданно оценивающим — а после широко улыбнулся и принял руку, ловко вскочив на ноги.

— Образец чести! — взревели в толпе сразу несколько голосов, и их охотно поддержали улюлюканьем. — Сир Аэд из Ланстевана учтив даже с шутами!

В иной раз Аэд, вспыльчивый и гордый, как все очень молодые рыцари, мог бы счесть подобное за попытку задеть его, но его внезапный напарник по представлению так открыто и весело улыбался, что юноша решил — леший с ним. Незачем в каждом слове видеть подначку.

— Жива еще сага о Брихане, шуте Эльмасара Аранм-Мавка прославленного, оттого и рыцарь учтив, — раскланялся с показной затейливостью зелено-желтый хитрец. Потом шепнул Аэду:

— Ну, поразвлекались, и будет. Тресните еще разок меня и прогоните прочь, публика наверняка ждет, что вы покажете простецам, что злоупотреблять вежливостью не стоит.

Аэд хмыкнул, хотел было возразить, но все-таки напоказ замахнулся:

— Так пора и честь знать побежденному!

И с этим актер, подобрав свой реквизит и поймав брошенный ему Аэдом куль, так же, как и пришел, скрылся: перемахнул через ограждение и ввинтился в толпу, пропав из виду.

— Объявили в итоге в вашем бою ничью, — Ольрик протянул племяннику блюдо с так называемыми «позолочеными курами» — искусно вылепленными в форме птичьих ножек пирожками, начиненными курятиной с пряностями. — Ну, другого исхода вряд ли стоило ожидать.

Юноша взял пару «ножек», одну немедленно надкусил, отхватив сразу чуть ли не половину. Аромат мускатного ореха, корицы и перца еще сильнее распалил разыгравшийся в самом конце долгого дня аппетит. Сказать по чести, никакие передряги и волнения не могли его погасить, и дядино предложение пройтись до таверны парень принял с радостью.

— Ты как будто и не удивлен, — прожевав, заметил Аэд. И с некоторым сожалением проговорил: — Я думал, что... что ты в меня веришь немного больше. Ну или хотя бы в свои умения учить, для начала.

— Нет, нет, Аэд, я не сомневаюсь в твоих умениях, — Ольрик отмахнулся, подлил из кувшина себе и юноше легкого эля на травах: надираться даже после проигрыша не стоило, не смотря на прохладу, принесенную глубокими вечерними сумерками. И усмехнулся, пригладив все еще густые, как в молодости, и почти такие же, как раньше, пепельно-светлые — а на деле уже почти полностью седые волосы. — В своих и подавно, ха-ха! Еще чего не хватало, всегда найдется чужак, гораздый в тебе или твоих близких усомниться, так что самому на это время тратить дело пустое. Надо не сомневаться — а думать над тем, как слабые стороны свои укрепить, вот о чем я тебе толкую. И не важно, что в этот раз решили судьи.

— Не важно? Как так-то? — Аэд от удивления выронил птичью косточку, которую вставляли в «позолоченую ножку» для красоты — и ее немедленно уволок отирающийся тут же чей-то пес.

— Для тебя сейчас — да. Не должно быть важно. Ты все еще учишься — в том числе и на своих же слабостях. Не так важно, почему этот чурбан Эверик лез из шкуры вон, желая во что бы то ни стало одолеть юнца — я готов об заклад биться, что выпросил в жеребьевке бойца-новичка в противники нарочно. А ты его, скажем так, одурачил — оказался лучшим фехтовальщиком, чем он ожидал.

— Но все-таки недостаточно?

Ольрик погрозил племяннику кружкой:

— Если хочешь услышать совета, так и спроси. Ты неплохо бился, да, но знаешь, пожалуй, в атаке ты по-прежнему все еще лучше, чем в защите. И склонен переоценивать противника, ожидая от него, скажем так, более изощренных действий.

— Но разве не верно то, что кто владеет инициативой — тот владеет боем? — Аэд отхлебнул эля и задумчиво прищурился. Не сказать, что дядины слова он слышал впервые — но, признаться, думал, что сумел со своей горячностью совладать и действовал в бою не импульсивно, а действительно с расчетом использовать преимущество скорости и ловкости.

— Книги ты хорошо помнишь, — усмехнулся Ольрик. — Но я много раз говорил — хорош в теории не значит равно хорош в поле. В боях всякое бывает... что я про защиту говорил? Тебя обескуражили этим бликом — и ты пропустил удар. Доспехи-то тебя и в настоящем бою спасли бы, конечно, но только где тут твоя хваленая инициатива тогда? К неожиданностям тоже надо внутренне быть готовым — к любым.

Аэд вздохнул.

— Не вешай нос. Я догадываюсь, ты мечтал о победе — я тебе даже не буду ничего говорить, всякий, идущий в первый свой бой, только о победе и думает. Больше того — если о ней не думать, то и не зачем все это затевать, сам мне скажи — тренировки, латы, тряская дорога за сотни лиг на турнир!

— Наверное, не за чем, — Аэд чуть улыбнулся.

— Все так, — Ольрик отер усы и подался чуть вперед: — Только, сынок, пойми, жизнь состоит из множества неожиданностей. Пусть лешев сын Эверик из Ниса подавится этой

своей... ничьей. В конце-то концов, он тоже не получил, чего добивался. И вывести тебя из себя не сумел, хотя попробовал. Знаешь, а к месту тот балаганный молодчик выскочил! Ловкий малый. Только вот все кажется, что я его где-то раньше да видел — но где бы? Я бродячих артистов в лицо не запоминаю, это точно, но вот поди ж ты, свербит... А, ну его! — Ольрик вновь сделал щедрый глоток. — Да-а-а, мальчик мой, понимаю, не такого ты, верно, ожидал.

— Точно не такого нахального жульничества. Почему вдруг турнирные маги ничего не нашли?

— Да кто ж его знает? Этот тип, говаривают, превыше мастерства воина преуспел в мастерстве лить лезть и сладкие речи в нужные уши — но сам я не проверял, так ли это. А может, и не он сам вспышку устроил — кто-то из приятелей с трибуны направил луч, такое тоже может быть. Не менее подло, чем амулет, я согласен, но повторяю — совершенно неважно. Важно другое. Как ты выходишь из таких фокусов судьбы — только это.

— Прости, что я бросил меч после, — Аэд досадливо потер бровь, чувствуя, как лицо наливается жаром, и вовсе не из-за разгоряченного воздуха постоянного двора, переполненного посетителями в дни турнира, и точно не из-за пары глотков некрепкого эля. Пшенично-рыжеватый и светлокожий, как большинство аскалонцев, юноша краснел легко, а самое что скверное, очень заметно.

— Ну, об этом я все сказал, и, надеюсь, ты усвоил как следует, — Ольрик качнул головой.

Аэд кивнул, и, скрывая досаду, уткнулся в тарелку, разделяваясь с остатками ужина — кроме «позолоченных кур», им принесли вдоволь свежего хлеба с тмином, масло и мед, пряную похлебку, жаркое с ребрышками, сыр и яблоки.

Озолотится нынче держатель таверны, с усмешкой подумал Аэд спустя немного времени, наконец отложив ложку и понимая, что больше ни кусочка не съест. Столько вокруг народа, и все жуют, пьют, просят добавки. Шутка ли, почитай, со всего Аскалона съехались и рыцари, и зрители.

Народ вокруг с аппетитом вкушал самую разную снедь, равно как дорогую, так и самую неприязательную — козленка на вертеле или жареную рыбу и бобовую похлебку, жареную репу или супы с сыром и пореем и иными свежими травами, каши с гусиными шкварками или подливками, хлеб и лепешки, жареные в меду орехи, колбасы, фрукты свежие или вяленые, пиво, вино, эль. У ног гостей сновали пришедшие с ними же собаки, мелькали в углах, сливаясь с тенями, осторожные трактирные тонколапые кошки — Аэда их присутствие порадовало: значит, мыши не точили зубы об покрошенную в котелок морковь или сельдерей, да и хлеб пекли из той муки, что не порчена пронырливыми вредителями. Люди шумели, жевали, пили, перекрикивали друг друга. Вертелись туда-сюда разносчики — худой длинный парень и почти такая же девица, наверное, брат с сестрой. К чужим разговорам никто не прислушивался вовсе.

Но Аэд все равно понизил голос и придвинулся к родичу поближе:

— А еще мне кажется, что я себе нажил недруга. В первый же день, боги пресветлые.

— Нажил, а то как же, — Ольрик энергично кивнул. — Стал бы тебя этот надутый дурень пытаться вызывать на дуэль, если бы не так! Говорю же, вовремя шут влез, ха! Только ты, мальчик мой, не вздумай расстраиваться из-за этого.

— Что влез или что нажил?

— Ни из-за первого, ни из-за второго, — подмигнул дядя. Улыбнулся — и Аэду показалось, что тот помолодел на добрые двадцать зим. — Что не дошло дело до серьезной драки — само собой хорошо, ни к чему это, тебе еще второй день турнира выходить, с более достойными, боги не подведут, противниками меч скрестить. А что недруга нажил — так оно, поверь, неизбежно. Я-то, помнится, в свой первый турнир с половиной тогдашних рыцарей переругался в пух и прах. А едва на коня сел, в первый же курс кто-то подменил на копье противника наконечник с турнирной коронели на боевой, ты представляешь! Герольды вовремя увидели, было дело... и точно так же ни слуху, ни духу, кто подменил, да когда успел. Вот и говорю —

не забивай голову чушью. Учись драться так, чтобы тебя даже слепого и глухого боялись, как огня! Имя не зря свое носи, одним словом, — и дядя, молодецки ухнув, осушил кружку до дна.

Аэд почувствовал, что дневные тревоги наконец перестают его мучить — только сейчас. А еще понял, насколько он устал — кажется, и уснул бы прямо тут, сложив руки на столе. Покрутил головой, зевнул, едва успев прикрыться ладонью — и дядя поднялся на ноги, потирая поясницу привычным жестом:

— Поздно уж, действительно. На боковую пора. Я, сынок, не обессудь, в таверне комнату взял, что-то спина поднывает, зараза. А мне завтра тоже в заезд — не хочу рисковать, хоть ночь и теплая. Так что лагерь в твоём распоряжении — поглядывай там, чтоб конюхи не бузили, ну и дозорных в ночь назначь сам, да не забудь.

— Клопов не боишься? А то тут если их и не было, во что я не верю, еще новых навезли, — пошутил Аэд.

На это Ольрик лишь расхохотался в голос:

— О, да у меня такая старая дубленая шкура, что ее ни один из местных клопов не прокусит, к тому же после нескольких дней в седле и в доспехе от меня железом, дегтем и дымом несет не меньше, чем от конской сбруи! Полно тебе. Иди, присмотри за всем — да тоже отсыпайся.

На том дядя и племянник и разошлись

Аэд окунулся в теплые, что парное молоко, густые сумерки отгорающего лета. Повернулся к полю. Шатры в отдалении мерцали теплым светом — белые и синие, с зелеными и с красными полосами, цветные, осененные штандартами знатных родов, с флажками или с росписью, большие и поменьше, они образовывали еще один городок, ни чуть не меньше поселения при замке. От самых ярко освещенных доносились звуки музыки, хохот, пение или перебранки — но Аэд подумал, что уснет мертвецки крепко даже если буйные товарищи закатят пляски прямо у него над ухом. До лагеря он дошел вообще без каких-либо неожиданностей — в одиночестве, вдыхая ночной воздух полной грудью.

Впрочем, все необходимые распоряжения, о которых напомнил дядя, он сделал, растолкал нескольких младших оруженосцев, проверил коней — и с тем наконец улегся на походную кровать, покрытую шуршащим и пахнущим травами набивным тюфяком.

Белое полотно над головой чуть вздрагивало от ночного ветерка. За ним, в небе, мерцали звезды — Аэд их сейчас не видел, но отчетливо представлял.

Сон, как ни странно, передумал наваливаться немедля — и Аэд почему-то вспомнил самого себя шесть лет назад. Себя, старика Ольрика, отца... и все остальное.

2

— Господин! Сир Барнад! К вам прибыли, — донеслось до слуха погруженного в чтение седовласого мужчины, сухощавого и рано состарившегося, и он — его имя было Барнад, хозяин земель Эрвенсин — выглянул в окно. Потом удивленно охнул и поспешил во двор, отложив чтение. Дождь кончился совсем недавно, и во дворе, мокрым и глянцевито поблескивающим — камни, черная липкая земля, трава — гарцевало с пяток явно проделавших неблизкий путь всадников. Один уже спешил и по-свойски отдавал какие-то распоряжения спутникам. Темный, набрякший влагой плащ его по подолу был забрызган грязью, видно было, что и люди, и кони утомились, но держался прибывший все равно бодро — какая знакомая манера, какой знакомый голос, подумал владетель Эрвенсин.

— Ольрик! Какими судьбами в наших краях? — отряхнув от несуществующего сора темный дублет потертого бархата, который с виду старил его еще сильнее, Барнад вышел встречать друга.

Всадников он, разумеется, опознал сразу.

Навстречу ему двинулся тот самый спешившийся первым гость — точно такой же немолодой, невысокий, но чрезвычайно плотно сбитый, пусть и не без некоторой толики лишнего веса. Это и был Ольрик — он откинул мокрый коричневый капюшон и пригладил короткие светло-русые волосы, а потом, улыбнувшись, раскрыл объятия, по-медвежьки широко, как за ним это водилось, и крепко обнял родича и друга.

— Давненько не виделись-то, — Барнад искренне хлопнул по плечу гостя. Он действительно был рад его видеть, признаться по чести, но красноречие не было его сильной стороной, никогда.

— Да вот уж точно, следовало бы навещать вас чаще, но сам знаешь, закрутишься в делах и даже за сменой сезонов года не успеваешь следить... а впрочем, полно отговариваться! Я же здесь, — Ольрик рассмеялся, а потом глянул мимо плеча хозяина усадьбы, заметно оживившись: — Эхей! А вот и младший Эрвенсин! Неужто твой меньшей рыцарь уже так вымахал, а?

Барнад усмехнулся, оглянувшись — чуть поодаль стоял его сын, девятилетний Аэд. Парнишка просиял и подтянулся, польщенный вниманием гостя.

— Последний раз я тебя видел еще на руках матери, пусть не писклявым кульком, но на диво вертлявым, всюду тянущим ручонки крохой, а теперь посмотри-ка! — Ольрик одобритительно поглядел на мальчика. — Вытянулся как, а! Узнаю вашу долговязую породу, Барнад, ха! Наверняка уже своим конем обзавелся, а, юный сир?

Аэд стушевался и опустил взгляд, лишь неловко пробормотав приветствие. Барнад издал невнятное бурчание, точно поперхнувшись, и пригласил гостя и его спутников-слуг в дом: обсушиться, погреться, перекусить, отдохнуть и все то, что положено предлагать проделавшему неблизкий путь товарищу, пусть он и нагрязнел вдруг, как летняя гроза.

Барнад привычно раздал слугам указания, те разошлись — кто готовить еду, кто — сухую одежду, кто — жаровню, кто подыскивать место для слуг прибывшего господина и доглядеть за лошадьми. Мальчик нерешительно покрутил головой по сторонам, и направился следом за отцом и гостем — тот приходился мальчику, насколько тот помнил, кем-то вроде дяди, а его отцу, хозяину не слишком обширных земель *ларанда*¹ Эрвенсин, в каком-то неведомом колене кузеном.

¹ Ларанд (аскалонск.) — земельный надел, ленные земли рыцаря, знатного феодала. Владеющий ими именовался ларандфордом.

— Ты так и не рассказал о дороге, — живо поинтересовался Барнад, пока они поднимались по лестнице в малый зал — в нем спешно растапливали камин, чтобы гость смог как следует отогреться. Все-таки весна выдалась не слишком теплой, а этот дождь ни одному путнику в радость не пришелся бы. — Направляешься в столицу?

Ольрик едва заметно прищурился, поглядев на родича и друга — с таким выражением обычно замечают нежелание собеседника продолжать неприятный разговор, но не указывают на это, откладывая на потом. Больно уж торопливо Барнад сменил тему, действительно... степенно отозвался:

— Да, нужно нашему досточтимому государю рассказать про некоторые дела моего рода. А раз уж время как раз совпало со сдачей податей — то и решил ехать сам, заодно крутануть хвостом коня по вашим лужайкам.

— Не скрою, рад повидаться. Сам-то я давненько никуда не выбирался... — Барнад покивал, потом жестом поманил гостя за собой.

— Вернее сказать — засел, как сова в дупле в дневную пору, — хохотнул Ольрик.

— Полно тебе, — хмыкнул отец Аэда. — Пройдем, наверное, сначала в мой кабинет. Там сухо и тепло, а в зале пока что накрывают на стол — боюсь, суета слуг нам не даст поговорить спокойно.

Мальчик чуть замедлил шаг — он старался не плестись за старшими хвостом, чтобы его не отослали сразу, и вообще было подумал, что он как раз лучше потихоньку юркнет в малый зал и затаится там в уголке. Но отец словно мельком взглянул через плечо и сказал — ступай, вернись к занятиям по грамматике и счету, как раз время для них.

Аэд смиренно кивнул и повернул было к обратно, действительно намереваясь приступить к учебе — сколь бы не была она скучна, мальчик понимал, что его никакая сила не освободит от положенных уроков — но почему-то замешкался, и когда взрослые скрылись за дверью, все еще был неподалеку. И, повинуясь разыгравшемуся любопытству, двинулся по коридору еще медленнее — надеясь, что отец затворил дверь не слишком плотно и хоть что-то из обрывков разговора он сумеет уловить. Гость — сир Ольрик, ларандфорд Ланстеванский — внушал мальчику безотчетную симпатию. Он был размашист и порывист в движениях, не смотря на возраст, тяжеловесен в походке и наверняка точно так же как легко гневался, как и смеялся — такому под горячую руку не попадай, что и говорить! Но таким же был его собственный дед, если верить полузабытым уже маминым историям — сам Аэд не помнил никого из старшей родни. У него были братья, отец, до пяти лет — еще мама, ну и все прочее время его окружали учителя и дворовые слуги, люди самые разные, но все-таки обремененные иными тревогами и заботами, чем знатные господа, каковых, кроме отца и братьев, мальчик близко и не знал вовсе. А на отца внезапный гость, этот загадочный дальний родич, не походил ничуть. Аэду, иными словами, сделалось нестерпимо любопытно.

Осторожно ступая, мальчик развернулся и прошел по коридору вперед. Ведь я могу пройти к себе длинным путем, сказал он мысленно. Я вовсе не собираюсь подкрадываться, конечно нет... Дверь отец притворил на совесть — он все делал на совесть, основательно. Аэд нерешительно замер.

До него доносились лишь приглушенные голоса — он отлично различал, кто именно когда говорит, но вот слова... Видимо, у старших завязался долгий, и, наверное, важный разговор — если они в самом деле не виделись уже давно, иначе и быть не может.

Аэд шагнул ближе к стене. Голоса сделались отчетливее.

— ...я бы не говорил подобные вещи просто так, из чистого упрямства, — это явно был Ольрик. — Бар, ты же меня знаешь!

— Да уж знаю, знаю. И заметь, в упрямстве и желании все делать не так, как я привык, вовсе тебя не упрекаю, — отцовский голос прозвучал несколько устало.

Аэд не рискнул даже слегка приотворить дверь, но ему достаточно было и прикинуть к каменному косяку, почти прижавшись к щели меж ним и деревянной дверной филенкой — но так, чтобы не быть ненароком замеченным кем-то со стороны или, упаси боги, тенью под дверью — ну или если кто-то внезапно решит открыть саму дверь — успеть отшатнуться и не попасться на глаза.

— Барнад, подумай еще раз. Зарываешь золото в солому, не иначе! — Ольрик, кажется, пристукнул в сердцах ладонью по подлокотнику кресла.

— Ты тоже меня пойми, — легкие быстрые шаги отца — от шкафа к окну, обратно, его вечная привычка не тревожности, а скорее действительно раздумья. — У меня их трое. Я счастлив такой щедрости богов, но не могу пустить все на самотек. И это уже решено, на двенадцатилетие он поступит в академию королевской службы, — голос форда Эрвенсина прозвучал с усталой настойчивостью. — Это достойное дело. Крепкое место в жизни. Уважение и хороший доход. Что же в таком случае я делаю не так, скажи мне, пожалуйста?

Ольрик неприкрыто хохотнул.

— Придворный служка... твой младший сын — служка! Ну спасибо хоть не жреческий послушник, в самом деле. И это когда все мужчины нашего — нашего, именно нашего с тобой, и будь добр, брат, не кривись — рода все и всегда служили именно оружную службу! Барнад, пойми ты наконец, что тот, кто накинуд на себя табард с «Короной Мечей», так просто его потом не снимет. И не сможет вступить в наследство нашими замками и управление подданными рыцарями. И пусть тебя самого это вроде как и не должно пугать — в конце концов, у тебя двое старших — то вот я, прости, таким бесстрашием именно в этом вопросе не могу похвастаться, уж не обессудь.

— Ты так говоришь, будто уже готов взойти на костер, — с коротким смешком отозвался уже Барнад. — Тебе едва за шестой десяток, Ольрик! А бодрости и норова — не меньше чем двадцать лет назад. И если тебе так нужны примеры — спешу напомнить, что вон старый Дойл на шестой дюжине зим преотлично обзавелся наследником от молодой супруги.

Раздался громкий басовитый хохот Ольрика. Аэд прислушался — как на беду, по коридору кто-то шел. Наверное, слуга направлялся сообщить благородным сирам, что стол накрыт, и чистая сухая одежда ждет уже гостя в его спальне. Не желая быть замеченным за таким недостойным занятием, как подслушивание, мальчик поспешно ретировался. Пожалуй, не слишком аккуратно — его топот при желании тоже можно было бы услышать даже в кабинете.

Но беседующие рыцари же не обратили на звуки из-за двери никакого внимания и продолжили разговор. О, как не вовремя Аэд вынужден был удрать! То, что прозвучало далее, показалось бы ему еще интереснее услышанного вперед, наверняка — но о продолжении разговора он узнает намного позже и лишь в общих чертах. Но если бы каким-то образом сын Барнада смог увидеть выражения лиц старшей родни сейчас, он бы сказал в последующем, что Ольрик немало сконфузил кузена своего и господина земель Эрвенсин.

— Ей же ей, Барнард! Я ни мгновения не буду удивлен, если Дойл-младший вдруг окажется черноволосым и кудрявым и перво-наперво заговорит по-кортски вместо аскалонской речи! — Ольрик, все еще смеясь, утер уголки глаз. — А все будут говорить, что это якобы оттого, что молодая госпожа чрезвычайно любила легенды об Аранм-Мавке.

Барнад смущенно усмехнулся.

— И все вынуждены будут в это верить, Бар, — вдруг посерьезнев, добавил Ольрик. — Нет, нет. И даже если Айулан, или кто там за нами смотрит со звезд, мне позволят восполнить ту пустоту, что осталась после смерти моей Лайлинн, и я внезапно обзаведусь наследником, я попросту не увижу, как ребенок станет даже не мужем, но хотя бы юношей. Даже момента, когда тот сможет уверенно держаться в седле, не увижу! И это не говоря уже — держать в крепкой руке наследные земли, а всех тех многочисленных и столь охочих до моих погребов и сундуков младших рыцарей и слуг в надежной узде.

— Ты настолько не доверяешь своим людям? — в голосе Барнада скользнула циничная нотка, неожиданная для него, но Ольрик же, не изменившись в лице, лишь мотнул головой:

— О, не в вопросах регентства, дорогой друг. Это же ясно как день — всяк будет подыгрывать на свой лад, заботиться лишь о своих интересах, но не думать о всех и сразу. Они все достойные люди, они все присягали мне и, разумеется, клятвам верны — но ни один из них не сможет сдержат аппетит и не лезть туда, куда вассалу бы не следовало. Иными словами, ни один не годен, чтобы занять мое место хотя бы на время. У нас непростые земли, ты же сам знаешь, Ланстеван — приграничный ларанд, и недалёковидность управления, даже крохотная, может слишком дорого стоить. Мне ли напоминать, что для всей страны значит приграничье? Боги милуют Аскалон от той бури, что кипит меж соседними корорлевствами, Корту и Тхаба-том, но надолго ли? Нет у нас шансов на ошибку. У меня так точно нет.

Барнад уселся в кресло, молча потер гладко выбритый по столичной моде подбородок и о чем-то задумался. Замолчал и Ольрик — только внимательно смотрел на собеседника. Глаза его были серьезны. В наставшей тишине отчетливо можно было различить потрескивание свечей и угольков в жаровне.

Наконец Барнад прервал затянувшуюся паузу, хлопнув ладонью по подлокотнику:

— Ну хорошо, старый лис, я не буду настаивать на своем выборе. Не скажу, что ты меня окончательно убедил — но я дам мальчику право выбрать. Пусть он сам решит, что ему более близко: меч или книга, — тут Ольрик хотел что-то сказать, но Барнад его остановил. — Только пообещай, что ему ничего не будет угрожать до момента окончательного становления рыцарем.

Ольрик усмехнулся, жесткие черты его словно чуть смягчились при этом:

— Совсем ничего? Нет уж, этого я тебе обещать не могу. Если выйдет так, как я прошу — я научу Аэда быть тем, кем ему быть положено, само собой. Дам все, что умею и чем владею сам, от знаний о земле и людях до боевых ухваток. И в обиду не дам, разумеется — но и взростеть он должен сам. Набивать шишки, синяки и опыт — без этого воином не стать, сам должен помнить, Бар. Сдувать пылинки с будущего мужчины, ну ты выдумал тоже!

Помнится, после этого к интригующему разговору ни отец Аэда, ни дядя Ольрик так и не вернулись — ни словом, ни намеком. Отужинали в малом зале, предаваясь долгим беседам о каких-то давних днях и совместных приключениях — после всех выполненных занятий Аэду позволили ненадолго присоединиться к старшим: отцу, гостю с парой младших рыцарей в компании и среднему его брату, Эмрису.

Аэд больше молча слушал — ему тогда, далеко не малышу, как он сам полагал — все, о чем говорили отец и далекий до той поры неведомый дядя вдруг показалось увлекательной небывалой сагой. Отец же... мальчик полагал, что хорошо его знает — холодного и рассудительного, осторожного человека, у которого на все есть разумный довод и взвешенное решение. В этих воспоминаниях он вдруг предстал ему совсем иным — и Аэд сообразил, что отец далеко не всегда был стар. Просто... другим он его и не помнил. Ведь сир Барнад Эрвенсинский действительно был уже порядком немолод, когда Аэд родился. Мальчик вдруг подумал, что отца знал всегда лишь наполовину, а то и того меньше — и впору бы загрустить, но Аэд почему-то ухватился совсем за иной вывод: его отец рыцарь. Пусть состарившийся и предпочитающий сейчас бархатный дублет и легкие ботинки с серебряными пряжками кольчуге и саботонам, а кресло и книгу — седлу и мечу. Но — рыцарь, а не просто высокородный ларанд-форд. Дядюшка Ольрик — тоже рыцарь, при чем надел его практически приграничный; и значит, это таких как он и зовут Опорой Короны в тех исторических книгах, что читал Аэд каждое занятие вслух сухопарому учителю, молодому, но занудному пуше любого старика.

Мальчик именно тогда почувствовал, как ему позже вспоминалось, что за один вечер можно ощутить себя выросшим на целую ладонь. За его спиной стояли сиры и форды, его имя

было именем носящих меч и щит — и его, и его дяди, и даже его матери. Истории из разговоров в тот вечер, согретые в немалой степени пряным кларетом, при всей их безыскусности представились Аэду исполненными мощи и силы, какой он не за всякой книжной хроникой находил. И это поразило его — так сильно, что юный Эрвенсин с прежней страстью уверился: все-таки его мечта чего-то да стоит.

Мечтал он, ясное дело, всегда только о том, чтобы стать самому подобным Рыцарям Короны — лучшим из лучших воинов всего Аскалона. Что он ближе к своей мечте, чем когда бы то ни было за все предыдущие годы, мальчик не догадывался в тот вечер совершенно. Он же, в конце концов, не слышал окончания беседы — и отец не соизволил его просветить ни в ту седмицу, ни через миновавшее полулуние, завершившее сезон, ни к началу лета...

Что забавно — ошивающегося под дверью отцовского кабинета Аэда тогда и правда спугнул служка с корзиной, посланный заверить господ, что стол накрыт.

Нынешний Аэд, восемнадцатилетний юный воин, второй после Ольрика фехтовальщик Ланстевана, глядя в светлый тканевый полог над головой и очертания колышущихся над ним шелковых флажков — успела подняться полная белая луна, и тени сделались отчетливо-ярки среди млечно-синеватых сумерек, окрасивших вдруг ночную тьму — с теплой усмешкой вспоминал себя тогдашнего: и с немалым изумлением глазеющего на незнакомца-гостя, и улелепывающего по коридору от чужих шагов, и забывающего о поднесенном ко рту куске пряного пирога за столом среди старших. И себе тогдашнему он был благодарен за великое упрямство — не больше и не меньше.

3

Цветок давно увял, но убрать его прочь рука не поднималась. Аэд коснулся пальцами похожего на смятый белый шелк, опаленного жарой венчика — даже от поникших лепестков все еще исходил аромат. Аэд улыбнулся: уж чего-чего, а дара, пожалованного с высоких трибун под расписным пологом, он не ожидал. Дамы на турнире вовсе не были отстраненными наблюдательницами, да, таков уклад — они раздают милости и знаки недовольства каждому по его чести. Но Аэд не думал, что ему самому однажды выпадет такая честь — принять белый цветок из тонкой легкой руки одной из дам.

Все положенные на долю юного ланстеванского рыцаря турнирные выходы уже завершились, и он разгуливал без внятной цели — даже лат толком и не снял, так и расхаживал с заткнутым под рондель на груди увядшим цветком. Аэду, признаться, очень хотелось поделиться впечатлениями с кем-нибудь, но он знал, что Ольрику сейчас явно не до него: верховые рыцари готовились посостязаться за почетное знамя. И им предстояло несколько сходов в командах — на копьях, с булавами, в погоне за знаменосцем на время, максимально стараясь показать свое умение всадника — и вот-вот уже объявят начало... поспешить бы, чтоб взглянуть, наверное, стоило бы. Оттого отвлекать точно не лучшее решение — и это касалось всех тех старших рыцарей, кого Аэд числил среди верных друзей и товарищей. Вот и выходило, что даже побеседовать за кубком сейчас пока что не с кем — и так будет до глубокого вечера. С удивлением юноша поймал себя на мысли — по большей части все, с кем хотел бы он разделить радость сегодняшних успехов, были друзья его дяди, а вот ровесников-друзей он сам так и не завел пока что. Чего не скажешь о недругах, действительно — больше не встретившийся ему на ристалище в поединке Эверик из Ниса так и жег неприязненным взглядом весь день. Вот и сейчас будто в лопатку тычут пикой — нечувствительно через броню-то, но оскорбительно по сути своей.

Аэд поозирался, силясь отыскать хозяина недовольного взгляда — но вместо этого случайно налетел на какого-то рослого господина в синем дублете с серебряными пуговицами. Верно, и сбил бы с ног того, но на быстроту реакции Аэд не жаловался — потому ухватил прохожего за локоть, не дав даже пошатнуться.

После торопливо извинился — кажется, незнакомец был знатного рода, по крайней мере, лишь охнул от неожиданности и не принялся ругаться, а просто рассмеялся:

— Да вы, сир, ну ровно боевой конь на курсе! Вижу цель — иду вперед! Но и благодарю, ваша сила и ловкость все-таки уберегли меня от близкого знакомства с местной пылью. Наряд, знаете ли, на мне для этого не подходящий — не броня, да и не... маскарад. Не так ли, сир Аэд? Я ведь не обознался?

Аэд еще раз извинился, смущенный — а потом взглянул в лицо этому господину и изумленно вскинул брови:

— Так и я вас знаю... почтенный!

На Аэда смотрели веселые зеленые глаза — очень знакомые. Энергичное загорелое лицо, темные волнистые локоны на высоком лбу, темные же, точно этенские или кортские, брови и ресницы. И широкая улыбка вдобавок — когда этот человек не улыбался, узнать его было сложнее, это Аэд подметит позже. Но сейчас он был весел, и юноша понял, что спутать не мог. И прежде, чем сообразил, что встреченный им господин может быть не рад узнаванию, выпалил:

— Вот значит, каков на деле Бедо Бродяга? Или мне вас лучше называть полным именем — Мередуд, раз уж так все обернулось? Или, может, даже сир Мередуд?

— Сир, но не Мередуд, — тот качнул головой, на миг посерьезнев. — Мое имя Арвин. Но на счет Бродяги я, так уж вышло, не соврал. Есть за мной такое прозвание, в числе прочих.

Знаете, раз уж мы так вот столкнулись — давайте, что ли, посидим в тени, разделим по чаше вина. Вы ведь закончили все сегодняшние выходы? Или брали обязательство побыть еще и рыцарем чести за кого-то еще? А то я гляжу, вы еще в доспехе...

— Да. То есть нет. То есть — закончил, все верно, и выступать чьим-то мечом еще не планировал. Так что, наверное, принял бы ваше предложение... сир Арвин, — Аэд шумно выдохнул, немало озадаченный всем только что случившимся. Потом хмыкнул — несмотря на то, что вопросов у него в голове было больше, чем шмелей в клевере в летнюю пору, этот Бродяга внушал ему безотчетную симпатию. Здравый смысл подсказывал, что Аэд может влипнуть в какое-то сомнительное знакомство — но юноше не хотелось ни о чем таком думать. В ушах все еще звенела сталь и весомые цифры выигранных сходок, а легкие наполнял ускользающий аромат подаренного цветка.

— Я чувствую себя у вас в долгу за вчерашнее дуракавальяние — и понимаю, что, как человек чести, обязан объясниться, — добавил Арвин. — Снимайте уже доспех, к чему без нужды ходить по такой жаре в стали! Я подожду вас, Аэд — ну, скажем, у той полосатой колонны. А потом посидим у Трино под пологом — вон там, сбоку от ярмарочных рядов, видите? Хитрый купец, поставил сразу мини-таверну для дегустации своих товаров. Привез наранское вино, как сам Трино утверждает, лучшее в этом сезоне — что скажете? Угощу вас в уплату долга за невольный обман.

Аэд только кивнул.

Разоблачиться, сменив сталь на лен и шелк, а паче того, умыться свежей водой и сменить нижнюю рубаху оказалось невыразимо приятно, и про себя Аэд порадовался, что его новый знакомец на этом настоял. Доспехи юноше помогали снять старый щитоносец Хью, человек молчаливый и нелюбопытный, но даже он со сдержанной ноткой одобрения отметил — а вы, молодой сир, уже заручились симпатией какой-то леди, я гляжу?

Не одной конкретной, отшутился Аэд. Цветок же он сперва отложил, а потом, подумав, закрепил за отворотом шапки: почему-то ему не хотелось расставаться с ним, даже увядшим. Про себя он решил — засушит на память по завершению дня. Плевать, будет ли кто-то над этим потешаться или нет. Даже если он действительно понятия не имеет, кто именно из знатных леди решил его отметить этим знаком: по традиции все знаки доблести или позора передавала избранным рыцарям от имени всех собравшихся самая старшая леди. Фордалейн² Глайанор была в почтенных годах, но все еще оставалась исполнена достойной, изысканной зрелой красоты — а руки ее были белы и изящны и по сию пору; но ничего, кроме глубочайшего уважения, Аэд в тот миг не испытал. Лишь сейчас он стал гадать — а что, если это была идея некой более юной особы? Настроение резко взлетело вверх, словно от глотка сладкого кларета. Аэд наконец-то сообразил, что за усталостью не ощутил главного: он практически счастлив. Даже не смотря на все тревожения и сомнения по поводу дружбы, вражды и новых знакомств.

Надев шапку, он поспешил к месту назначенной встречи. Помимо прочего, юношу разбирало неистовое любопытство — как так вышло, что знатный человек вырядился в шутовское тряпье? Или же как раз одежда знатного и это «сир» все-таки маскарад? Как бы там ни было, он скоро все узнает.

Арвина он увидел издали — тот стоял, небрежно прислонившись к указанному им же полосатому столбу, сложив руки на груди. Народ сновал мимо, даже не задерживая взгляд на чьей-то очевидно ждущем человеке. Кто-то даже нарочно отворачивался — что делалось совсем уж странным. Но Аэда поразило даже не то, что его знакомого как будто старались не замечать все вокруг — а то, насколько мрачным выглядело лицо недавнего шутника и балагура. Без улыбки и этого лихого взгляда с прищуром его действительно даже и не узнаешь с ходу!

² Жена ларандфорда, женщина знатного рода.

Пожав плечами, Аэд сделал себе заметку в памяти — еще одна загадка в полный кошель сегодняшних причуд. Но вот Арвин заметил его сам — и махнул рукой. Темная вуаль каких-то раздумий сползла с его лица, на чем Аэд заключил, что все-таки у любого человека может быть какая угодно печаль на душе, и без спросу лезть в нее он, пожалуй, не рискнет.

Обменявшись кивками, Аэд и его новый товарищ отправились к навесу торговца Трино — тот действительно продавал вино не только бочонками, бутылками и кувшинами, но и стаканами — а помимо прочего, предлагал всем желающим к нему сыр и вяленые фиги, крендели и жареные орехи. Под его навесом народ не толпился и не слишком шумел — скорее чинно беседовал, кто о воинском искусстве, а кто и о торговле.

На половине пути Аэду и Арвину встретилась небольшая компания, которой они с поклоном уступили дорогу — три знатных девушки и их сопровождающие служанки с легкими корзинками. Наверное, даже леди не гнушаются поглазеть на ярмарочные ряды и приглядеть какие-то безделушки. Дамы ответили на изящный жест встречных рыцарей — Аэд окончательно перестал сомневаться в происхождении своего спутника именно сейчас — лишь едва заметными кивками, разве что одна девушка задержала на них взгляд чуть дольше и кивнула чуть медленнее. Аэду показалось, что она узнала и его, и его спутника — позже он выяснит, что так оно и было.

В свою же очередь, он тоже узнал эту девушку — ту, по чьему слову, он помнил, Эверик заработал черную ленту от общества дам. Ее тонкое лицо, чуть тронутое свежим румянцем, осененное белым шелком — кажущее таким серьезным, даже строгим до той поры, пока губ не коснется улыбка, ее внимательный взгляд серых глаз, убранные под сетку пепельно-золотистые косы и брови вразлет, точно росчерк крыла ласточки, ему хорошо запомнились. Вчера она была в лазури с золототканым узором, сегодня — в светло-зеленом, светлее майской зелени, с почти неразличимой легкой вышивкой, но это точно была она.

— Приветствия и вам, о благородные господа, — проговорила она с безупречной интонацией скромности и достоинства. — А вы, сир Аэд, не расстаетесь с нашим даром, даже сняв доспехи? — чуть удивленно добавила она, склонив голову на бок: явно увидела приколотый к шапке цветок.

— Я не мог иначе, — искренне отозвался Аэд, еще раз поклонившись.

— Отрадно слышать, — отозвалась юная леди, ее спутницы заулыбались, переглянулись, но промолчали. С тем дамы и удалились.

В спину же снова ткнулся чей-то неприязненный взгляд — наверное, он так отчетливо повел плечами, что Арвин тоже вскинул голову, оглянувшись.

Аэд поглядел на своего товарища.

— Кажется, мы нынче обречены привлекать внимание, — пробормотал Арвин, так никого и не высмотрев, в потому обратив взгляд вслед удаляющимся леди. — Занятно, что и говорить.

— Это плохо? — уточнил Аэд.

— Да не то что бы, — Арвин пожал плечом. — Что касается тех красавиц — уж точно нет. Если не путаю, кажется, с нами заговорила Фиона из Равен-Поу, самая младшая из сестер ларадфорда Равенри. Влиятельное имя.

— Но ни капли заносчивости, — подметил Аэд.

— Видимо, да, — согласился Арвин, а после неожиданно добавил: — Редкое дело для отпрысков Равенри. Редкое, но не небывалое, вынужден признать. Впрочем, я не верю в то, что родовое дерево приносит исключительно одинаковые плоды всегда — этак было бы намного проще жить! Взглянул на герб — и знаешь, чего ждать.

Аэд усмехнулся:

— Но часто так и есть, разве нет?

— Тем досаднее бывает ошибиться, — отозвался Арвин. Потом добавил: — Ну что, идемте же, сир рыцарь, отмеченный белым шиповником! Вы ведь знаете, что горная роза, тот самый белый шиповник, что вам передали дамы, означает чистоту помыслов и строгую аскетичную красоту?

Аэд чуть смущенно кивнул — он знал, да. Горная роза, белый не крупный цветок со сладким ароматом и частыми шипами на стебле в гербовниках и книгах по эмблемам указывался именно таковым символом. Лилия означала целомудрие, алая роза — храбрость и страсть, сиренью отмечали красноречие, ну и так далее — дети знатных семей выучивают подобные вещи, наверное, по всему Аскалону совершенно одинаково.

— Видимо, или вы поразили всех своей искусностью в бою и манерах, и в таком случае мне досадно, что сегодня я не видел вас в деле — или вам действительно благоволят... лично. Впрочем, не смущайтесь, Аэд. Почетно и то, и это.

Арвин, подмигнув, указал на удобное место под навесом — перевернутая широкодонная кадка и три плетеных кресла вокруг. Прочие столы и лавки были заняты, Трино явно не знал бед со своей затеей — наливал вина и крепкие, и для ясности ума разбавленные, пряные и чистые, белые и красные, нахваливал розовое, чуть ли не пел баллады багряному наранскому и выдержанному тхабатскому. Вот наранское им и подали — глянцева поверхность казалась темной, как ночь, цвет был глубже, чем блеск таинственного граната-альмандина, а вкус раскрылся на языке густым и терпким букетом: бархатным, сочным, с благородной приглушенной сладостью.

Аэд похвалил вино — и Арвин сдержанно кивнул: пусть торговцы горазды преувеличивать достоинства товара, в этот раз Трино не соврал, вино действительно достойное. Сделал долгий глоток, а потом отставил чашу и внимательно взглянул Аэду в лицо:

— Я полагаю, вас разбирают вопросы. Задавайте же. Обещаю ответить честно. Я ведь вас провел, получается — а это не слишком красивый поступок.

— Кто вы на самом деле, сир? — Аэд сперва чуть растерялся: его действительно переполняли вопросы, и решить, что спросить первым, было непросто. Но он ухватил единственный, как ему показалось, самый исчерпывающий.

Арвин вздохнул.

— Я-то думал, вы спросите, зачем мне понадобилось рядиться шутком...

— Это тоже интересно, но знаете...

— А, полно! Не оправдывайтесь, Аэд. Вы ко всему прочему, гляжу, и умны, так что... Мое имя — Арвин из Кайрланна. Я урожденный ларандфорд земель Кайрланн, наследный держатель замков Авалад и Этрид. И если вы с удивлением мне скажете, что этими замками и землями ныне владеют иные форды, вы будете до лучшего правы, Аэд. Только это не отменяет того, что мое имя — Кайрланн, и останется таковым, пока небо не падет на землю.

Проговорил он это вроде бы спокойно, но глаза его сверкнули так ярко, что Аэд сообразил — его новый друг опальный рыцарь, лишенный земель и дай Айтир чтоб не титула, да; наверное, тайной это все не было, судя по его тону, но вот смириться молодой Кайрланн с этим не собирался ни на миг. Арвину — сейчас Аэд это видел отчетливо — было не больше двадцати трех лет; да, он был старше Аэда, но не настолько, чтобы юный рыцарь не понял, что за чувства скрыты под внешне спокойным обликом его собеседника.

— Кажется, я затронул сложную тему, — Аэд чуть потупился.

— Вовсе не сложную, — Арвин качнул головой. — Это дела давних дней, земли у нашего рода отнял еще Пресветлый Наместник Лионар, чтоб ему икалось в Солнечных Чертогах — так что можете подсчитать, насколько это давнее дело. Титул рыцаря за мной и моими родичами, впрочем, остается по сей день, а вот земли... Поместье в горах близ Этрида — все, чем я владею по нынешнему уложению. Только поместье, без основных земель. Поэтому меня действительно наградили прозванием «Бродяга». Произносить его, впрочем, я позволяю лишь очень

немногим, — веско добавил Арвин, и сделал небольшой глоток. Подумал и взял из миски с орехами пару штук, закинул их в рот и энергично захрустел.

Аэд пожал плечами:

— Как бы там ни было, а ведь вы храбрый человек, как я посмотрю. Не у многих хватит духу вырядиться в шутовское при всех. Могу ли я спросить, с какой же целью?

Арвин расхохотался:

— О, я всего лишь продул в кости давнему другу. Точнее, сразу троим друзьям — кто-то один вряд ли сумел бы меня уболтать. Но я не жалею, что так вышло. Вы не сердитесь, что я влез в вашу перебранку с этим надутым тетеревом из Ниса? Я его неплохо знаю, он злопамятный засранец, простите уж такую прямолинейность. Даже после того, как мы с вами замяли нелестную для него ситуацию — и поверьте, я не о нем вовсе заботился! — он может затаить зло на вас. Еще чего доброго, подойдет каких молодчиков со свинчатками. Я был бы осторожен на вашем месте вплоть до самого финала турнира.

Аэд фыркнул:

— Вот уж точно! То-то дядя поутру рассказывал мне о том, как его в трактире пытались отыскать какие-то проходимцы... Леший побери, ну ведь, выходит, действительно это Эверик — больше я, полагаю, никому не насолил.

Арвин оживился:

— Ваш дядя — сир Ольрик из Ланстевана, все верно? Родной дядя? Какой достойный человек... Я очень наслышан, хотя лично едва ли знаком, к сожалению. Рад нашему знакомству вдвойне в таком случае.

Юноша кивнул. Потом они звонко стукнули боками чаши за знакомство и неожиданно Аэд предложил:

— Сир Арвин, а может, нам перейти на простое обращение? Если вам...

— Тебе! Я только за, Аэд. А то действительно, как престарелые кумушки на балконе, честное слово. Так рассказывай, что там приключилось по утру?

А утро, действительно, началось занятно.

Аэд подскочил на походной кровати, едва услышав громкий голос дяди.

— Ну-ка, рассказывайте, у вас-то ночью все спокойно было или как? — Ольрик широким шагом прошествовал по лагерю, растолкал дремлющих у костра слуг, отдернул полог шатра.

— Да все тихо, отчего бы ты вдруг спрашивал? — Аэд сидел на кровати, натягивая верхнюю одежду. Пригладил смятые после сна, торчащие вихрами волосы, понял, что этого недостаточно и лучше всего причесаться смоченным гребнем — и усмехнулся. — Дозорные уснули, что ли?

— Дозорные-то? Нет, Хью если задремал, то вполглаза. — Ольрик мотнул головой. — Его напарник Дэйг, конечно, не столь прилежен, но сойдет. Я не об этом. А о том, что утром на постоялом дворе ко мне вломились какие-то молодчики с дубинками. Думал вот — не навещали ли вас их приятели, ха-ха!

— Погоди-погоди, — Аэд подскочил на ноги и шагнул наружу из шатра. — Как это — вломились?

Ольрик оглядел племянника — то, как он стиснул кулаки, как сверкнули его глаза — и добродушно усмехнулся. Когда Аэд подошел к нему, похлопал по плечу:

— Да остынь, сынок, все обошлось. Намял этим дурням бока — даже меч из ножен не достал, так, прямо ножнами, и отлупил. Чтобы хоть как-то досадить мне, нужны бойцы получше, чем сивое жулье, за монету берущееся побить кого-то, даже не спросив, насколько сложно это будет сделать, — светлые, что предрассветное небо, глаза дяди лучились почти юношеским злым весельем.

— Я уверен, что искали тебя, впрочем, — добавил Ольрик все так же с усмешкой. — Даже странно, что не нагрянули сюда. Уверен, вы бы им тоже задали жару — но так я хоть сам молодость вспомнил, ха-ха!

— Выходит, ты был прав, заметив, что я нажил врагов. Даже быстрее, чем завел друзей, — Аэд нахмурился.

— Не сокрушайся, Аэд. Это даже хорошо — значит, затаивший на тебя недоброе достаточно глуп, чтобы немедленно расписаться в своей открытой ненависти.

— Да я глазу не с пуцу ни с самого Эверика, ни с его присных теперь, — в сердцах выдал Аэд, и Ольрик кивнул:

— А так и надо. И значит, ты уже считай, что вооружен перед возможной каверзой. Только я готов об заклад биться — их, каверз этих, больше не будет. Слишком труслив наш недруг. Не был бы трусом, так сам бы предложил довести стычку до окончательного финала. По-мужски, как следует благородному человеку.

— Он и хотел. Ему помешали, — напомнил Аэд.

Ольрик только отмахнулся — о том и речь, скукожился при всех, едва хвост прищемили, а исподтишка бродяг каких-то нанял.

Аэд сейчас рассказал об этом Арвину — и тот рассмеялся, ну точь-в-точь сам Ольрик:

— А старший из ланстеванских рыцарей действительно не промах! Видимо, каждое слово, что я о нем слышал, правда целиком и полностью. Боги пресветлые, ну до чего же безыскусный болван ваш недруг... не бери в голову, Аэд, действительно. И знаешь, только за то, что ты взбесил такого недоумка, я был бы готов предложить тебе дружбу. Если, конечно, она тебе нужна.

— Нужна, — Аэд улыбнулся. — Это странный вопрос — дружба всегда нужна.

Арвин задумчиво покачал головой, заглянув в полупустую чашу, взболтнул остатки вина:

— Обычно все намного сложнее, Аэд. Дружба с кем-то, на кого пала немилость правящего Круга, может оказаться не столь хорошей идеей. Я обязан это сказать сейчас — хорошо подумай, прежде... прежде чем без опаски протягивать руку. Или принимать протянутую.

— Любые отношения с людьми — обоюдоострый меч, — Аэд хмыкнул. — А уж рыцарю ли чураться меча?

— И то верно, — Арвин улыбнулся, все так же глядя на свое отражение в темной поверхности питья. Потом вскинул голову и ухмыльнулся: — Тогда за дружбу?

— За дружбу!

И их чаши снова звучно встретились боками.

4

Земля под копытами коней была мягка — вчерашний дождь закончился, но дороги покрывал слой раскисшей глины. Повозки тянулись с натугой, лошади оставляли глубокие следы в глянцевой жирной грязи. Луга и низины затопил туман — висел клочками, недвижимыми, точно на землю упало облако; расплескалось, запуталось в травах и кустах — и не торопилось таять. Белая призрачная вуаль колыхалась от неосязаемых кожеек потоков воздуха и, казалось, липла к волосам, одежде, конским гривам.

Когда после нескольких дней жары дождь хлынул стеной, он переполошил ярмарку и праздных зевак, промочил трибуны и ристалища, затянул серой пеленой до той поры яростно-синее небо в пене облачных гряд. Яркая суэта турнира напоминала костер, в который плеснули из кружки водой — еще немного, и останется лишь чад и угли. Впереди был еще один день — но уже без сражений, лишь церемонии и чествования. Кто победил, а кто остался ни с чем, уже было известно, но долгое действо требовало и достойного завершения. Да, для общего пира натянут большой тканевый полог, зажгут жаровни, под ноги гостям бросят свежей соломы — и даже потешные бои, не смотря на раскисшую грязь ристалищ, проведут непременно.

Только вот Аэд, подумав, решил — он переживет, если не увидит всего этого.

И ланстеванские рыцари сейчас, вместо того, чтобы в разряженной толпе выслушивать витиеватые речи, подъезжали к родным землям.

Причина на то была — тихо ругаясь себе под нос, напряженно втянувшись в седле, рядом с Аэдом медленным шагом ехал его дядя. Он поносил ту самую причину — и излишнюю мнительность своего племянника.

— Ты как хочешь, дядюшка, а в сыром тумане ночевать — затея так себе, с твоей спиной в особенности, — прервал его ворчание юноша. — А на постоялом дворе из-за испортившейся погоды даже сверчку постели не сыщется сейчас.

Ольрик лишь сумрачно кивнул, потом добавил:

— Видимо, от матушки тебе досталось и упрямство, не только цвет волос и небесная яркость глаз, мальчик мой. Ну хоть в повозку себя усадить я не дал, и то хорошо.

Аэд хмыкнул — но возражать не стал. Хотя ему, разумеется, было бы спокойнее, если дядюшка после такого падения с лошади — на всем скаку! — сейчас отлеживался бы на набитом шерстью тюфяке. Предлагать подобное больше одного раза, впрочем, юноша не рискнул.

Все получилось внезапно — как оно обычно и бывает в таких случаях. После того, как Аэд и его новый товарищ отдали должное наранскому вину, юный рыцарь спохватился:

— Все-таки я еще хотел взглянуть на дядин выезд, признаться честно. А вечерние состязания-меле уже должны были начаться.

— Я бы тоже взглянул, — оживился Арвин. — Только вот состязание перенесли: один из рыцарей, сир Барноу, все никак не мог подобрать коня на замену: его скакун захромал, а всех остальных он перебирал, как иная невеста женихами не перебирает. Так что мы ничего не упустим, если поспешим прямо сейчас.

И они так и поступили — и несмотря на то, что на трибунах и вокруг ристалища на первый взгляд свободного места не было ну ровно как в медовых сотах к концу лета, каким-то чудом протолкались поближе к ограждению. А потом и вовсе им замахали с противоположного ряда скамей повыше — и Арвин кивнул: а вон и мои приятели, те самые, кому я проиграл и ради кого был вынужден был поразгуливать часок в актерских тряпках. Всего час, такой был уговор. Представление-то я затеял по собственной инициативе, хохотнул он напоследок. Аэд ответил лишь улыбкой — он и без того не держал досады на «представление».

Потом, наскоро перезнакомившись — приятелями теми оказались два кузена, Эллис и Ллоан из рода Кэрриак, и молодой бастард рода фордов Тариан, прозываемый попросту Ойсин из Тара — все пятеро переключились на поле.

Начали объявлять рыцарей — почти на каждое объявление герольда у Ллоана, самого юного из компании (он на полгода был моложе даже Аэда) находилась заковыристая присказка, после которой Эллис тихонько пихал кузена в бок, а Арвин лишь многозначительно посматривал на обоих Кэрриаков. Ойсин был не столь красноречив, но метко выхватывал взглядом изъяны в сбруе и манере держаться того или иного всадника, и тоже не оставлял их без замечаний. Аэд старался не ухмыляться очень уж широко — но шутки иногда были настолько смешны, что удержаться было трудно.

— Вот видишь, мой друг, если прежде могло показаться, что это я болтун, каких поискать, по сравнению с моими товарищами я — нелюдимый молчун, — с тонкой улыбкой заметил Арвин, когда объявили примерно половину рыцарей. Каждого встречали вполне бурными восклицаниями и ободряющими выкриками с трибун, и даже едкие замечания Ойсина в них терялись без следа.

Аэд улыбнулся в ответ:

— Но их слова, пусть и резки, но не сказать, что несправедливы... Драман из Ниса, родич Эверика, действительно излишне нервирует своего коня, перетягивая узду, а Кадок из Лида мог бы поручить оруженосцам почистить и расправить попону получше... мятая, действительно, как гусяная гузка!

— Ничего, у них не на всех найдутся шпильки, поверьте — более того, я даже мог бы заранее сказать, кому достанется от моих друзей, — Арвин качнул головой. — Не то что бы это старые счеты, но... Аэд, это первый для тебя большой турнир? Если первый — понятно, почему ты не знаешь еще, что за некоторыми бойцами водятся примерно одни и те же привычки, а у некоторых есть свои как поклонники, так и... наоборот.

— Не самый первый, — кивнул он. — Но из таких крупных — да.

Эллис и Ллоан переглянулись, а потом одновременно хлопнули по плечам Аэда с двух сторон:

— И сразу второе место в зачете по пешим боям! Ну вы, сир, даете! Сир рыцарь белого шиповника всем показал! Это же вас прозвали именно так?!

— Что?! — удивленно вскинул брови Аэд. — Ведь еще не...

— У братьев Кэрриак есть знакомый сплетник среди герольдов этого турнира, — хмыкнул Ойсин.

В это время с башенки герольдов прогремело:

— Сир Ольрик Ланстеван! Команда серебряного стяга!

Арвин толкнул Аэда локтем, и тот присоединился к шумно приветствующим его родича — как и вся компания. Ольрик проехал легкой трусцой вдоль ряда уже стоящих по левую сторону от цветного столба на границе ристалища товарищей — того самого «отряда серебряного стяга». Второй команде дали стяг алый — и в одном из заездов команды попытаются отнять друг у друга эти стяги. Поднял руку в приветствии, пустил коня легкой иноходью, едва шевельнув коленом, потом занял свое место.

— Старик-то еще половину молодых обскачет. Ишь, нейметса, а, — откомментировал Ойсин.

Арвин обернулся к приятелю, иронично подняв бровь:

— И заодно имеет честь быть дядюшкой нашего нового друга, остроязыкий мой товарищ. Ойсин лишь усмехнулся:

— А я и повторю — мало у кого в его годах столько прыти!

— Был когда-то рыцарь Мэриадэк Златоглазый. Говорят, до полных девяноста лет в седло садился сам, — отозвался Арвин. — Но про него также рассказывают, что он и королеву Дису

сопровождал в походах, и с призраком Аранм-Мавка встречался однажды. Так что мы никогда не узнаем, правду ли то говорят. А вот ваш дядя вполне реален — и повторю, я рад, что вы с ним оказались родней, Аэд.

— Я тоже рад, что именно Ольрик мой дядя, а не кто-то другой, — усмехнулся юноша. — Ведь без него меня бы тут не было.

С тем и начался заезд — сперва команды пронесли с копьями — более короткими, чем в традиционном «длинном курсе», но не менее эффектно разлетающимися на щепки. Один из рыцарей не досчитался нашлаемой фигуры — та взлетела вверх, сбита ударом копья, и толпа зрителей взорвалась восторженным гомоном. Далее рыцари взяли вместо оружия «потешные дубинки» — вытесанные из дуба короткие палицы в форме мечей, ничем не усиленные, призванные лишь наносить громкий удар по звонкой стали лат: отвлечь, обескуражить противника, сбить с толку его лошадь или попросту завязать возню, чтоб вовремя суметь отнять знамя у противника и пронести его под аркой расписных легких воротец в конце ристалища.

Первый заезд остался за «алыми» — их знаменосцем был в тот раз внук нынешнего Наместника, Ллеу Золотой Рог («Просто великолепный наездник, средний копейщик, и, пожалуй что достаточно неплохой мечник — но пуще всего заносчивый хвастун, что сразу делит натрое его достоинства, как по мне», отрекомендовал его Арвин негромко). Второй взяли «серебряные» со знаменосцем из горного рыцарства, но не с севера, а с запада страны, Аэд не запомнил имени, зато герб на щите — спящий под горными пиками белый дракон — врезался в память преотлично. В третий раз, финальный, знаменосцем «серебряных» вызвался быть Ольрик.

Запели медные горны, знаменосцы помчались в одну сторону — Ольрик вихрем пронесся на своем гнедом мимо преследователей, смешался с толпой товарищей по стягу, и — не сразу стало понятно, что же он затеял — устремился за знаменосцем «алых». Кони неслись, как ветер, послушные воле всадника или собственному горячему норову, таранили друг друга корпусом, толкали грудью и боками, выскальзывали из смыкающихся «клиньев» преследования — развевались попоны, топот копыт дробно раскатывался по-над ристалищем и поднимались клубы мелкой пыли. Гнедой из Ланстевана настигал вороного коня со всадником, несущим алое знамя. Вот Ольрик, бросив поводья и дубинку, свободной рукой выхватил у противника его стяг, и, зажав в кулаке сразу оба знамени, воздел их над головой. И тут же поддал своему коню шпоры — конечно, это еще не победа, нужно пронести знамена под воротцами. Устремился к цели — и за ним помчались немедля все прочие «алые». Те из рыцарей, что приотстали в общем преследовании, тоже не зевали — один из них бросил своего коня наперерез. Мощный — крупнее ольрикова гнедыша — серый жеребец врезался в бок стремительному ланстеванцу. Наверное, всадник поздноовато осадил серого — удар оказался слишком сильным, и Ольрик, покачнувшись, вылетел из седла прочь. Сколь бы ни было надежно турнирное доброе седло — а против такой могучей силы толчка ничего не сделаешь, и старый рыцарь не удержался. Успел разжать руки и откатиться, чтобы не дернуть на себя повод и не попасть под вес падающего следом коня — но и гнедыш, глубоко осев на задние ноги, все-таки сумел выровняться и не упал вместе с седоком. Не убежал — выученный, встал над поверженным всадником, оскалив зубы и высоко вскинув голову. Приготовился защищать, понял Аэд, еще прыжками перемахивая скамьи вместе с людьми — судя по топоту, Арвин и его знакомцы устремились следом. Аэд все равно вылетел на ристалище одним из первых — вместе с оруженосцами, не слушая окриков герольда, просящего не толпиться на ристалище. Ведь только сами ланстеванские воины и их оруженосцы знали, как успокоить вставшего в позу защиты всадника жеребца: ни в каком другом замке такой хитрости лошадей не выучивали столь придиристо.

Все оказалось не так страшно, как выглядело — Ольрик, когда его подняли, оказался вполне цел, лишь ругался на чем свет стоит, тер поясницу, но рвался продолжить заезд. Герольд

настоял на замене знаменосца в новом заезде. Аэд — на том, чтобы дядя поберег старые раны: и без того спина у бывалого рыцаря частенько ныла из-за давних травм, и уж кому-кому, но Аэду он мог на этот счет ничего более не говорить. Поддержал парня и оруженосец, Хью. Ольрик лишь махнул рукой.

— А давайте я выйду за вас, — вдруг предложил Арвин. — Если не сочтете за дерзость мое предложение, конечно.

Ольрик удивленно вскинул брови — но согласился. И отдал на этот выезд свой гербовый табард и шлем с плюмажем Арвину: это позволялось и в массовом сходе.

«Серебряные» одержали победу в новом заезде все равно.

— Удивительного друга ты приобрел, Аэд. Не ожидал, не ожидал, — усмехнулся Ольрик. — Что враги причудливые, что друзья...

— Арвин предупреждал, что его дружба — о двух сторонах клинок, — Аэд сумрачно взглянул на дядюшку. — Но он показался мне сугубо человеком чести.

— Не сомневаюсь, так и есть, — Ольрик осторожно повел плечами, разгоняя усталость в теле, скованном одной и той же позой. — И все-таки боец он великолепный, хоть и молод чрезвычайно. Ты видел, как он в седле держится? Выучка не промах! Но имя рода его заставляет многих благородных — особенно из средних земель и столичных просторов — кривиться, как от прокисшего вина, к этому ты должен быть готов. Это еще что — я помню время, когда его, это имя, вовсе не произносили, а всех урожденных Кайрланнов величали Бродягами.

— Да и сейчас так поступают, судя по тому, что я слышал, — тихо добавил Аэд. — Только я так и не узнал, из-за чего все вышло.

— До этого несложно додуматься, сынок, — Ольрик покачал головой. — За что Наместник или Круг могут лишить рыцаря родового надела?

— За неподчинение короне, — не задумываясь, выпалил юноша, вспомнив книжные уроки — и тут же осекся. — Кайрланны — бунтовщики?

— По указу давно почившего Наместника Лионара — да, — Ольрик усмехнулся. — А поскольку никто, из наследовавших щит о четырех полях³, не соизволил отменить этого указа... Бунтовщиком объявили деда твоего друга Арвина — он действительно отказался присягнуть Лионару и тому Кругу, что он созвал. А также открыто оспаривал приказания Круга касательно ряда земель Приграничья — речь о наших соседях, имей в виду, Аэд. И не одобрил то, какую линию вел Лионар касательно помощи Нарану, которую корты у нас запросили... В общем, много перечил и был строптив. А потом собрал войско и повел в Наран⁴, когда правитель Марбод Карту запросил поддержки. За что был заклеямен предателем, бросившим горные районы страны без защиты, и тут-то ему припомнили, что он отказался от личной присяги Наместнику.

— Но ведь рыцари присягают Короне Мечей, а не наместничьему щиту, — Аэд нахмурился.

— Наместник Лионар хотел подправить «устаревшую форму» клятвы рыцарей, — Ольрик усмехнулся. — После его правления нововведение ушло на второй план, и говорят, довольно быстро. Да и то, что провернул блистательный ларандфорд Кайрланн с походом в Марбод Карту, при всем желании я не могу назвать предосудительным деянием — сейчас, пока мы наедине беседуем, я честно скажу: было трусостью не ответить на призыв о помощи. Правление Лионара вообще было полно... спорных дел, что уж там. Но Кайрланнов до сих пор не вывели из-под опалы, хотя сын сира Ридама, того самого бунтовщика, каждые два года

³ Герб Наместника представлял собой четыре равных поля на щите — золото, серебро, лазурь и зелень, без каких-либо фигур. Королевский герб представлял собой голову благородного оленя с короной в рогах на таком же четырехчастном щите — и Наместникам досталась лишь окраска полей, но не сама фигура.

⁴ Столица королевства Марбод Карту

ездил в столицу и просил пересмотра наказания. Не знаю, продолжает ли твой друг Арвин эту безнадежную кампанию по борьбе с бумажными закорючками и злопамятными недругами при дворе, не знаю... я бы на его месте давно отступился, наверное.

— Ты? Отступился?! — Аэд покачнулся в седле, чуть не съехав на бок лошади от неожиданности. — Дядя, ты точно только спину зашиб?

— А что не так? Он молод, а положить свою жизнь и талант во прах ради несбыточной, эфемерной чести былого — это ли то, к чему стоит идти?

— А что ему остается?

— Ну, например, уехать в тот же Наран. Его примут там наверняка с большим почтением. Он может стать рыцарем при королевском дворе Марбод Корту.

— Наемником, ты хотел сказать? Действительно бродячим рыцарем?

— Рыцарем личного дворянства, — с нажимом повторил Ольрик. — Таким рыцарям часто передают земли после хорошей службы в постоянное и наследное владение. Надел в Марбод Корту, пусть и скромный, куда как добрая награда. Все лучше, чем биться безумной птицей в закрытое окно. Здесь он даже на турнире под своим знаменем выехать не может — лишь как чей-то протеже, либо, как он и поступил — с белым щитом. Ты ведь понял, кто был тот всадник в самом начале состязаний в первый день? Белый щит, шелковый светло-серый табард без герба, на плюмаже два пера — белое и серое. Девять сломанных копий в первом туре — а потом исчез, будто его и не было. Таинственный рыцарь, не поднявший забрала — конечно, зеваки думали, что это принц Золотой Рог решил поиграть в благородство, но кто из действительно знающих этого юного выскочку поверит в такую чушь!

— Так это был Арвин?

— Ну конечно. Сир Безликий. Сир Бродяга. Сир Арвин Кайрланн, победитель состязаний с длинным копьём — стал бы им, если бы не снялся с борьбы за победу самолично. Последнее на турнире он мог бы услышать только в землях чужаков, Аэд, как ни печально это осознавать.

Аэд поглядел по сторонам. По правую руку тянулись кудряво-зеленые, темного насыщенного цвета, просторы — леса и виноградные долины их, ланстеванских, владений. По левую — синеватая дымка невысоких южных гор и холмистая полу-степная ширь. Уже даже замок можно было различить впереди — кажущийся все еще просто видением в облаках, он, тем не менее, вырисовывался над дорогой: сейчас, когда утренний туман уже поредел, зоркие глаза вполне различали его суровые строгие очертания. Ланстеван. Почти уже дома.

— Не знаю, лучше ли так — если б он уехал. Знать, что где-то есть твоя земля, твой край — и отдавать себя и свои таланты чужбине... Не знаю, честно, — Аэд вздохнул, продолжив после некоторого молчания разговор. — Может, именно поэтому я сейчас еду с тобой, а не сижу в столичном скриптории, или в монетной коллегии, или даже в доспехе и со знаменем — но скучаю на площади в парадном карауле?

Ольрик улыбнулся, но промолчал вновь.

Спустя какое-то время он протянул руку и похлопал юношу по плечу:

— Все-таки я в тебе не ошибся, Аэд. Надеюсь, умению видеть достойных людей я тебя тоже смог обучить, и ты не ошибешься в выборе союзников.

5

Луга по обе стороны дороги в середине лета становятся бело-золотыми.

Цветут ромашка и зверобой, донник и клевер, дягиль, сурепка, лютик и тысячелистник — и прочие многие травы, которым даже не сыщешь сразу имен.

Аэд помнил это с детства. С того самого дня, как проехал в одиночку несколько долгих лиг, любуясь затопленными цветочным морем лугами и гадая — поспеет ли сыскать укрытие, если с неба грянет дождь? В небе клубились высокие пенные кручи зреющих грозами облаков. В летнюю пору, когда с горных гряд севера тянет прохладой, а полная зноя степь к югу несет разогретый воздух, в их краях — Южный Аскалон, край столь же немирный, сколь и щедрый — дожди и грозы бывали внезапны и обильны, зато скоротечны и быстро сменялись ярким солнцем.

У седла висел лук — охотничий, довольно легкий, но надежный, а главное, двенадцатилетнему Аэду по силам и по руке — стрелять он выучился замечательно. А пику с листовидным острым жалом — правда, по росту мальчику она тянула на полновесное копьё — держал в руке у луки седла, услышав волчьи голоса в перелесках вдоль дороги еще поутру.

Лошадь у него была не слишком резвая, зато упорная, спокойная и не из пугливых. Волчьи песни ее заставляли лишь настороженно прятать ушами и шумно фыркать — но узды и коленей юного всадника она слушалась замечательно, пусть тот и не доставал ступнями до стремян и упирался ими в кожаные путлища.

Дождь, впрочем, все-таки начался. Правда, к тому моменту Аэд прятался под широченым взрослым плащом и ехал бок о бок с Бринном — егерем Ольрика Ланстеванского. До самого замка дяди оставалось не больше лиги, день успел превратиться в подернутый тусклой бронзовой патиной вечер, и из-за дождя света сделалось совсем мало: скоро падут синие летние сумерки. Бринн, крепкий коренастый малый средних лет, натянув шаперон мало что не на нос и сам оставшись без плаща, но в кожаной охотничьей куртке, добродушно посмеивался над молодым господином, не прихватившим запасной верхней одежды.

Аэд лишь смущенно пояснял — заметили бы, если бы я плащ взял с вечера. Я же сделал вид, что не собираюсь далеко — мол, прогуляюсь утром близ усадьбы и все. А утром как-то заторопился и... сглупил, в общем, да.

— Как вам еще позволили такую рослую лошадку-то выбрать, пусть даже для прогулки! Высоковата она для вас, юный сир, — покачал головой Бринн. Его собственный темно-серый, а сейчас вдвойне темный от дождя конек рысил рядом с такой же промокшей смирной кобылой: охотник взялся проводить молодого господина в Ланстеван.

Аэд лишь неопределенно пожал плечами, не ответив.

Дело в том, что он и вовсе не спрашивал никого — а Пташку, хитроватую, но непугливую кобылу с на диво ровным шагом и спокойным нравом, он выбрал, заседлал и снарядил сам, а когда ему вдогонку кто-то из слишком рано поднявшихся слуг отцовского двора крикнул — далече ли вы, молодой господин? — ответил, что лишь до речки, на прогулку.

Ну да к празднеству рано ж еще собираться-то, завтра только кострование начнем праздничное устраивать, донеслось удивленное во след, но Аэд уже не слушал. На дворе тогда было глухое раннее утро — Аэд знал, что даже без лишних промедлений дорога займет полный день и даже, наверное, часть ночи. Но он не собирался медлить вовсе — он хотел успеть к Середине Лета.

Празднество. Летние костры, тот самый день середины лета. Отец сообщил, что не будет устраивать крупного гуляния, как обычно делают об эту пору в замках и больших усадьбах — с состязаниями в стрельбе и фехтовании, и в езде верхом, и во владении копьём, с огнями на всю ночь, с удалыми песнями и танцами меж огней.

Будет пир, будет священный огонь в круге в честь богов, и жрец, как положено, прочтет молитву, поднесет всем ягодною вина и хлебной лепешки с травами, цветочной водой начертает положенные знаки на лбах. И полно нам — молодецкие потехи по примеру больших замков устраивать уж лишнее. И не вздумай удрать к крестьянам на ночные костры, Аэд! Ты должен провести это время с семьей, так будет правильно. Традиции нужно чтить — и учиться делать это с изысканностью манер, а не с лихим разгулом, наставительно добавил отец.

Аэд же лишь уверился в том, что больше всего ему хочется даже не в нарушение просьбы удрать на реку к крестьянским песням и танцам — а поглядеть на летний малый турнир, что устраивают ларандфорды каждый в своем замке: такой же, какие все-таки бывали и в Эрвенсине, пока была жива матушка, да и даже после, хотя, может, и не каждый год. Аэд их тоже помнил, и оттого порядком досадовал нынче, когда отец решил — в этот год выйдет лишь пустая трата времени, и довольно того, что он просто чтит канун праздника.

Когда под уже стихающим дождем въехал Аэд во двор замка, Ольрик был не в своих покоях: Ланстеван не собирался отказываться от летнего малого турнира, который здесь-то устраивали ежегодно, и ларандфорд лично проверял, все ли должным образом подготовлено.

— К вам юный родич гостевать прибыл, сир Ольрик, — возвестил с поклоном Бринн, стряхивая мокрый плащ с мальчика, как фокусник с до той поры пустого серебряного блюда стряхивает платок, демонстрируя россыпь роз или живых горлиц. — Повстречался в пути мне... решил проводить вот. Непогода поторапливаться к тому же велела.

— Я прибыл на летний турнир, дядя! — звонко отозвался Аэд, проворно спешившись и глубоко поклонившись со всей учтивостью. Вышло, правда, слегка неловко — спина, ноги и все то, что помещается в седло, затекли после долгой дороги с непривычки. Но Аэд не подал виду.

И Ольрик тогда расхохотался:

— Вот так странствующий рыцарь ко двору! Тебя что, отец одного так и отпустил?

— Нет, дядя, — потупился Аэд. — Я... удрал. Я хочу видеть турнир середины лета — а у нас его не будет. Меня вот никто не спрашивал вовсе не только о турнире — но я не слишком-то хочу быть писцом или казначеем, или подручным придворного камергера, или кем там еще становятся люди книг и пера при знатном имени... поэтому прибыл смотреть турнир: где еще я увижу настоящих воинов во всем их мастерстве, чтоб без подвоха?

Ольрик ошарашенно покрутил головой, а потом хлопнул руками по бедрам, снова засмеявшись:

— Вот так диво, ну и племянничек! Ну что же, проходи, будущий рыцарь-странник. Не дело держать промокшего гостя на пороге. Входи — тебе принесут сухой одежды и теплого кларету, родич.

— Мне бы хватило чести лишь стать твоим щитоносцем, — тихо добавил Аэд, набравшись дерзости. — О благородный сир Ольрик.

Он лелеял произнесенные только что слова в своем разуме всю дорогу, воображая, как попросит дядю об этом — изысканно и со всеми положенными манерами. А на деле выпалил, стоя среди мокрого, обьятого поздневечерними сумерками двора, шмыгая носом и скособочившись от того, что отсидел себе в седле все, что только можно вообразить. На горизонте за его спиной расступались тучи — чтобы впустить в этот двор последние лучи, что поспорят в яркости с уже зажигаемыми тут и там факелами.

Ольрик лишь усмехнулся:

— Обсудим, отчаянная твоя голова, обсудим — но позже.

И с тем повел мальчика под крышу сам, на ходу раздавая указания — охотнику Бриану повелел выдать плотный обед, вина и пару серебряных, накормить и почистить коня его и

предложить отдых; также принести снеди и питья для мальчика, да справить одежду посуше — а прочим продолжать начатые дела, да не сплетничать почем зря.

Прежде чем ступить под замковый свод вслед за дядей, Аэд взглянул на уже почти полностью ясное вечернее небо в обрывках облаков, и подумал, что последние сияющие в последних лучах капли пронесшегося над холмами дождя — это зерна его новой судьбы.

Так и вышло.

Ольрик, как и помнилось Аэду, ничем не напоминал Барнада — такого сдержанного, холодного и сухого нравом. Ольрик форд Ланстеван был человек искренний, порывистый и открытый, легко гневался, но и быстро остывал, а главное, никогда не скупился на похвалу, на помощь в трудном деле — и всякий успех отмечал достойно.

В тот вечер накануне начала празднества Середины Лета Ольрик, то смеясь, то потирая лоб в раздумьи, все-таки послал быструю весть Барнаду: Аэд долго помнил дрожащие полупрозрачные крылья наколдованной птицы, кажущиеся нереальными, тонкими, как бумага в широченных ладонях Ольрика — и слегка суетливого вестового мага дядиных владений рядом с ним: сухощавый мужчина средних лет, больше похожий на еще одного егеря в своей темно-зеленой шапке с пером. А в Эрвенсине своего мага не было — отец просто закупал у чародеев амулеты-заготовки для срочных известий.

«Вестник» вспорхнул с раскрытой ладони Ольрика, и тот повернулся к мальчику:

— Пусть уж твои родные не гоняют по полям собак и слуг почем зря, я думаю. Не стану тебя журить за поступок — он, может, и не слишком дальновиден, уж на такую дальнюю дорогу в одиночку решиться-то — надо или много храбрости, или исключительно мало ума, и я хочу больше верить в первое, знаешь ли.

— У меня были копье и лук, — с достоинством отозвался Аэд. — Я не боюсь волков, потому что хорошо стреляю, а заблудиться по этой дороге и вовсе невозможно — самая широкая из всех... да и карты я выучил перед этим.

Мальчик помолчал, вздохнул — и добавил:

— Только отец будет злиться.

— Будет. Но недолго, — Ольрик подмигнул мальчику, и тот приободрился. — Отсылать сейчас, с праздника, я тебя не собираюсь — но тебе нужно будет все-таки вернуться домой. И если ты тверд в своем решении, нужно собраться как следует, а не сбегать, точно воришка.

И мальчик лишь согласно кивнул, про себя подумав — неужели его просьба принята?

Малый летний турнир он запомнил надолго. Игрища были на славу — больше потешные состязания, чем что-то серьезное; и воины — старые и юные, знатные и не слишком — рубили связанные пучки травы на скаку, поднимали кончиками копья венки, стреляли по разным мишеням: от плетеного соломенного круга, крашеного в центре красной краской, до подброшенной вверх репки. Точно так же отбивали клинком или ловили на пику травяные мячи — плотно скрученные специально к этому дню, пахучие зеленые шары.

Всюду слышался смех и песни, горели факелы и три ритуальных костра — а вместо жреца чашу с водой, в которой плавали лепестки шиповника, проносил над головами собравшихся сам Ольрик. Жрец-друид был меж костров, но он лишь читал молитвы — Айтиру, лику огня и Солнца, Айканто — Кователю Молний, Эрросу-Небесному, Аймире — Матери Вод земных. А после со всеми сел вкушать ранний свежий мед и хлеб с летними травами, вино и сыр, и более голоса над прочими не возвышал.

Именно тогда Аэду дали в руки настоящий боевой лук — не легкий охотничий, а настоящий, по руке взрослого воина: Ольрик, широким жестом отставив кубок, подошел ближе, поправил дрогнувший локоть мальчика, повелительным жестом велел расправить плечи, поддерживал под левое предплечье, чтобы вес оружия, непривычный, не сбил Аэда с выстрела.

— Ну, еще! Последним рывком — и на выдохе... знаешь же, как — так давай, покажи сноровку!

— Знаю, — Аэд, через силу еще раз подтянув на себя тугую тетиву, пустил стрелу.

Без помощи он вряд ли попал бы даже в край мишени — руки дрожали от перенапряжения, колени стали вдруг как набитые соломой. Но все-таки стрела впиалась в среднюю треть мишени, и народ — Аэд еще не знал и половины лиц и имен всех тех младших рыцарей, леной знати, оруженосцев и просто домашних слуг — одобрительно зашумел.

— Ну вот, юный воин, раз на турнир же приехал, то нужно отметить, и теперь все как положено, — подытожил дядя.

А после Аэд слушал дядину речь — тот взгромоздился на лавку, возвысившись над всеми сидящими — и заговорил о том, что родною землею и милостью ее все здесь собравшиеся исполнены благодати, могут радостно пить и есть, и вести дружеские беседы, и чувствовать себя среди своих — родным, живым, счастливым — а значит, землю сию положено, как все годы, лелеять и любить, защищать и хранить, а потому он, форд этой земли, благодарит и богов, и землю, и всех, кто помогает ее защищать и взлелеивать — и да будет так еще сотни оборотов Летнего колеса. А уж чтоб всего доставало на всякий иной праздник далее, он сам и верные люди будут заботиться не хуже прежнего!

Поздравление вышло грубоватое и слегка прямолинейное, но такое честное и искреннее, что люди вокруг лишь радостно подняли чаши вверх в едином порыве. Аэд подумал, что если бы не знал ни этих мест, ни этих людей, наверное, согласился бы насквозь трижды весь Марбод Мавкант, мир обозримый и явленный, пройти, чтобы узнать.

А после — утомленный дорогой, впечатлениями и прочим, уснул прямо на лавке, прильнув к кому-то из соседей. Кто и когда его снес в гостевые покои, он понятия не имел. Летние Огни — праздник середины лета — длился еще три дня.

А после Аэда снарядили в обратный путь.

Как ни странно, отец действительно ругал его исключительно мало. Прочел переданное ему письмо от Ольрика, похмурился, проворчал что-то нелестное об уме младшего сына — и сделал вид, что происшествие это ничего не значит.

Аэд даже подумал, что отец вовсе перестал интересоваться им — то ли затаил досаду, то ли Аэд чего-то не знает. Но и про службу в столице отец больше не заговаривал, по счастью.

Что мальчик действительно не знал кое-чего важного, он понял позже — через две полных луны.

— Так ты что же, Барнад, так мальчишке не рассказал, что у него есть выбор? — хмурясь, но пряча в усах подрагивающие в улыбке уголки губ, вместо приветствия произнес Ольрик, когда к концу лета приехал за Аэдом сам. — Ты же обещал, что разрешишь ему выбрать открыто, кем ему быть!

— Я надеялся, что Аэд ощутит вкус к учебе, — с легкой досадой, за которой прятал смущение, произнес Барнад.

— В итоге довел пострела до того, что он сбежал, как вороненок из гнезда! — уже открыто хохотнул Ольрик. — Ну, молодой сир, скажи-ка, что мне говорил, когда приехал к Летним Огням?

— Я хочу стать оруженосцем сира Ланстевана. Выучиться всему, что должен знать воин. И быть достойным рыцарем, когда стану старше, — произнес Аэд, глядя отцу в глаза.

— У мальчишки не только желание, но и богами пожалованная искра к этому. Вспомни, что я говорил — не зарывай золото в солому, — веско добавил Ольрик.

И тогда отец впервые на памяти Аэда дал волю душевным порывам — склонился перед сыном, обнял его, похлопал по плечу и сказал так:

— Будь достоин меча, сынок. Не посрами имени, и... помни, я действительно хочу лишь блага тебе и лучшей судьбы для тебя.

С тем они и уехали.

Когда Ольрик сказал, что учиться придется усерднее, чем Аэд мог даже подумать, он вовсе не шутил. Мальчик догадывался, что заниматься придется куда как больше, чем раньше — но все равно каждый вечер засыпал, казалось, еще до того, как успевал коснуться головой подушки.

Аэд, конечно, думал по началу — его вряд ли чем-то удивишь, он же не с самого детства просиживал часы за книгами. Можно ли удивить долгими физическими упражнениями паренька, любому развлечению предпочитающего охоту на лесных куропадок или рыбалку с копьем, а пока он был помладше — так вовсе лазание по деревьям днями напролет? Ни взобраться на лошадь без седла, ни вскарабкаться по обратной стороне лестницы с помощью только рук не казалось Аэду в его двенадцать чем-то сложным — но все-таки та сила и сноровка, что потребовали от него сейчас, должна была быть еще выше. Сверстников среди оружного люда замка у Аэда практически не было — лишь несколько пареньков-щитоносцев года на три постарше, держащихся скромно и больше дружащих со слугами с конюшен и псарями, чем с прочими воинами — ребята невысокого происхождения, как выяснил он позже, оттого старающиеся не высовываться. А остальные и того старше, от молодых, вроде его среднего брата, двадцати с небольшим лет, до почтенных седоусых ветеранов вроде Хью, старого оруженосца самого Ольрика. Детей младше десяти в расчет брать не стоило вовсе — те, даже если их отцы были воинами, еще слишком малы, чтобы тренироваться со всеми. Поэтому Аэд оказался среди тех, кто старше — но виду не подал. Ему было такое дело привычно — в Эрвенсине дела обстояли примерно так же, разве что там его учили и тренировали все-таки отдельно: отец отрядил старого фехтовальщика Трефара, что занимался некогда и с его братьями Эмрисом и Родриком — да еще изредка средний брат, единственный из старшей кровной родни, кто уделял Аэду времени больше, чем требовал этикет.

— Ты легок на ногу и проворен, это хорошо, — заметил, понаблюдав за первыми тренировками, Ольрик. Аэд в то утро вышел тренироваться вместе со взрослыми воинами — и по их примеру натянул стеганую куртку и тем ограничился. — Но проворство ценно, когда можешь сохранять его долго. К тому же воину нужно привыкать к броне.

И по кивку Ольрика Хью вынес из оружейной кольчугу — Аэд не сразу сообразил, что это тхабатская кольчуга: она оказалась на диво тяжелой, тяжелее привычных ему и виденных ранее, хотя была коротка и с рукавом лишь до локтя — взрослому среднего роста была бы едва до середины бедра, Аэду стала до колена. Разгадка была проста — более плотное плетение и кольца мелкие-мелкие. По краям прихотливо отделана бронзой — затертой и поцарапанной, но когда-то, наверное, яркой, как золото. Кольчуга выглядела много ношеной, но ни одной по-настоящему боевой отметины на ней Аэд не нашел. Позже он, конечно, насмотрится на всякое вооружение и доспех — выучится беглым взглядом отличать латы наранской работы и аскалонской, а сами аскалонские меж собой: скованные в традиции северных мастеров или южных; так же и этенские кольчуги от плетеных в тех же северных аскалонских горах, степные сабли от сабель пустынных — но сейчас лишь бесхитростно спросил:

— Чья это кольчуга?

— Степняцкая, — усмехнулся Ольрик. — Не трофейная, не верти ее с такими глазами — окраины Тхабата с нами не только воюют, бывает, поторговать тоже получается удачно. Надевай — по весу будет как раз похоже на доспех под твой рост. Ты, конечно, рослый паренек, да только вот как и любой мальчишка, еще тонок, что ивовая ветка. Чтобы тело наливалось силой, надо уметь нести на себе вес доспеха, а не только часто махать оружием.

И Ольрик был прав — поначалу не слишком заметный вес кольчуги, облегающей тело, к концу тренировки ощутимо отнимал дыхание. С этого дня Аэд решил про себя — он все будет делать в броне. Сперва в этой самой кольчуге. Потом, став крепче, наденет куртку-бригантину. До латного доспеха ему нужно дорасти — войти в полный рост, как говорил Хью.

— Вот плечи-то в полную ширь развернутся годку к пятнадцатому, мясо на костях нарастет — тогда и поговорим, — посмеивался седой оруженосец. Годами он был едва ли младше самого Ольрика — только в темно-пепельных его прядях серебро прожитого времени было виднее, чем в светлых ольриковых. — А пока трудитесь, юный сир, трудитесь: без упорства не бывает мастерства.

И Аэд занимался так усердно, как мог — вспрыгивал на лошадь, лишь опираясь ладонью о холку, и взбирался по высокой приставной лестнице на скорость, и бегал, и много времени проводил на ристалище с топором и копьем, и стрелял из лука вроде того, что дали ему на летнем турнире-солнцевороте, и фехтовал — тяжеленным тренировочным мечом из северного дуба, и затупленным железным, и настоящим заточенным, певучим и гибким. С каждым днем упражнения делались сложнее — и в пареньке с каждым днем росло упрямство. Подчас — до самых небес. Ольрику это упорство нравилось — но виду он не подавал. И, честно сказать, очень долгое время всякий новый день на ристалище порядком напоминал предыдущий — но Аэд не жалел о том.

Удар. Деревянный столб качнулся, отлетела щепка. Еще удар, пришедший чуть ниже и слабее — меч звякнул и отскочил. Юноша зашипел и потер плечо, чувствуя, как ноет перенапряженная мышца.

Наблюдавший за ним издали Ольрик нахмурился и что-то невнятно пробормотал — Аэд его, впрочем, сейчас даже не заметил: дядя подошел уже после начала упражнений. Юноша размял спину, отдышался и продолжил колотить столб, нанося удары по деревянному противнику, приговаривая про себя: «нэл-ду или тхабатцу всё равно, что у тебя руки отнимаются... Противнику на турнире тоже!» Тренировочный меч наливался с каждым взмахом будто бы новой тяжестью, руки делались непослушны. Про нэл-ду Аэд, конечно, преувеличивал: черное подземное воинство не видели в окрестностях предгорий, где и стоял Ланстеван, очень давно. Это в горах на севере все еще бывало, ходили слухи: видели отряды воинов с темными, как сажей вычерченными лицами и белыми волосами, отбили атаку, правда, совсем небольшую... Но какой мальчишка во всем Марбод Мавкант не слышал страшных историй об этой мрачной силе, о врагах из подземелий, стремительных и жестоких, что оставляют за собой лишь пепелища и трупы! И разумеется, всякий, мнящий себя воином парень думает — однажды придется скрестить с ними клинок... Аэд исключением не был.

Удар, еще удар... Через силу — с разворота, потом верхний, нижний, колющий... Повторить снова.

Утоптанная тренировочная площадка у оружейной, на заднем дворе замка, сейчас наполнилась звуками, более похожими на те, что раздаются над полянами дровосеков и углежогов. Только у лесника в этот раз, казалось, был тупой топор и очень много упорства чтоб свалить наконец проклятое дерево. Столб шатался, от него летели щепки — а Аэд выдыхался все сильнее.

— Достаточно, — вмешался дядя, когда подопечный после очередного скользнувшего удара едва удержался на ногах и чудом не пропахал песок носом. Юноша шумно перевел дух и развел руками:

— Но я же...

— Делаешь одну ошибку за другой, — прервал его возмущение наставник. Широко шагнул вперед, подобрал валявшийся рядом дубовый меч и подошел к покалеченному тренировочному столбу. Сердито потыкал дубиной в неряшливые зазубрины:

— Бьешь размашисто, как в балагане театральном выступаешь, а толку-то! У тебя удар сейчас от руки идет — плечо, локоть, кисть... Суставы напрягаешь, мышцы едва не рвешь. Болит плечо-то, а?

Аэд неопределенно покрутил головой — болело, но не признаваться же!

— Так я же меч в руке и держу, — буркнул он вместо ответа.

Ольрик хмыкнул:

— Рука не сама по себе, запомни. Удар должен идти от спины — как будто бы всем телом, всей силой вкладываешься.

И он наглядно показал, что имел в виду, сделав пару ударов. Аэд прикусил губу, внимательно следя за дядиным движением — разворот и мощный замах, слегка согнутые в коленях ноги, при этом кисть и локоть лишь следуют за направлением удара, а ведет его действительно движение тела. А ведь Хью показал ровно то же, а он, торопыга, проморгал!

— Повтори-ка, — велел Ольрик.

Аэд повторил — он следил за наклоном корпуса и попытался делать, как велел дядя.

Тот легонько похлопал его деревянным мечом по пояснице:

— Лучше, но замах рождается здесь. Не в середине спины, не в плечах. Здесь твой вес, твоя устойчивость — и от них и идет твой удар. Только ногу от земли не отрывай!

Аэд повторил еще.

— Еще дюжина повторов — и иди отдыхай. И не спорь! На сегодня достаточно. Вели Хью выдать тебе масло от ушибов и натри плечо — а то завтра даже легкого копья не поднимешь, а я хотел кое-что новое показать.

Но против ожидаемого — не ушел дальше по делам, а придирчиво следил, правильно ли Аэд выполняет оставшиеся замахи, сколь бы трудно они не давались.

Со временем Аэд из молчаливого, себе на уме паренька превратился в упорного, смелого и порывистого юношу: дома он старался, чтобы его забавы и дела, желания и проделки не попадали под строгий отцовский взгляд, здесь он выучился и за шалости без страха держать ответ: помимо строгости, уклад Ланстевана был справедлив. Ольрик и Хью научили Аэда в первую очередь не стыдиться своих дел, слов и поступков — даже если они были не всегда верны.

— Лучше быть честным с собой до конца, мальчик. А если ты честен с собой, то и перед другим не станешь виться ужом: тебе это просто не будет потребно. Рыцарь должен быть честен и смел.

— Даже если за сворованный пряник ему придется таскать воду половину дня, — проворчал Аэд. За мелкие проступки в Ланстеване не секли — нагружали работой, часто очень тяжелой, но бить не били. После пары таких историй Аэд понял, в чем глубокий смысл — задница-то поноет и пройдет. А вот то, что целый день на тебя смотрят все, как ты отрабатываешь проступок — о, это надолго врежется!

Было это все — словно вчера. Как пролетели пять лет, Аэд не заметил — к семнадцати Ольрик при всех домочадцах и ленниках, на осеннем празднестве хлеба, назвал его младшим рыцарем и вручил меч, выкованный специально для него. Еще через год Аэд с дядей поехал на большой турнир — пышный праздник в честь годовщины восшествия в сан наместника нынешнего хранителя Короны Мечей. Тот самый, на котором он взял почетное второе место в пешем сражении: после ему прислали грамоту, приз деньгами и позолоченные шпоры. И вот он, турнир, уже казался наоборот, неизмеримо далеким, как и то жаркое лето.

На дворе была самая ранняя весна — та, что еще почти неотличима от последних зимних дней, все еще дышит холодом, прошита ледяными иглами изморози на жухлых прошлогодних травах, и лишь удлинившимся днем да чуть проясневшим, налившимся солнцем небом

намекает: скоро зима отступит. Луну назад казалось, этого не случится вовсе. Зима выдалась необычайно морозной — мелкие реки и озера промерзли до дна, чего не случалось уже много-много годовых оборотов.

Луну назад отгорели погребальные костры.

Аэд сидел сейчас за столом в главном зале — в высоком кресле, что прежде занимал его дядя, и раздавал всем собравшимся свежесвеженный хлеб, пшеничную кашу с медом и горстью последних, чудом сохраненных с конца сезона орехов, да разбавленное теплой водой вино с корицей и вереском.

Ольрик форд Ланстеван умер луну назад, и сегодня был последний поминальный обед в его честь.

Гости — Аэд не ожидал, что их будет настолько много — молча принимали ритуальные яства. Кроме собственных аскалонских родных и друзей, подданных и товарищей в замке собрались неожиданные посланцы — тонколицы, светлокожие этенцы, рослые, с певучими голосами, очень обходительные — они не скрывали своих гербов, но Аэд их знал хуже прочих, и лишь мимодумно запоминал имена, но не придавал им значения. Трое смуглых, черноглазых гостей в расписном шелке — многослойные запашные одежды их, дорогие и изысканные, явственно напоминали о тхабатских степях, как и гортанный акцент этих господ. Держались они с поистине рыцарской учтивостью и сдержанностью, говорили мало, привезли богатый погребальный дар, и, принимая яства, осеняли лбы солнечными знаками: боги-то у людей Тхабата и Аскалона были одни, все равно молились Четырём Стихиям, Айулан⁵ младшим и старшим, и верили, что души уходят к Айтиру, в Солнечный Чертог.

Был и еще один рыцарь, без герба, и, по традиции желающего быть неузнанным — в сером табарде. Он был высок ростом, смугл и темноволос, ровно как и тхабатцы, но при том неожиданно светлоглаз. Говорил без акцента, манерами обладал безупречными. Аэд прекрасно видел — снаряжение его ковали не аскалонские мастера. Корт. Посланец рыцарского рода — Аэд в разговоре с глазу на глаз услышал от него полное имя, и все встало на свои места: то был один из родичей рыцаря Стихий, хранителя одного из волшебных перстней двора Марбод Карту.

Воистину у Ольрика было немало друзей и союзников — и его наследник, юный рыцарь и ныне новый ларандфорд Ланстевана, только сейчас осознал, насколько много.

Аэд произнес все положенные слова — но ему казалось, что вместо него их произносит кто-то другой. Он знал, что в своем горе не одинок — просто потому, что после отмеченных лютой стужей первых зимних месяцев пришла лихорадка: с виду обычная зимняя простуда, но ни одним известным ранее средством не унимаемая, и она унесла немало жизней по всей стране.

И все же ему казалось — настоящий он только вчера в канун летнего солнцестояния тайком седлал светло-рыжую кобылу на отцовской конюшне.

И все же: земли Ланстеван теперь его вотчина — как он выбрал сам, даже когда не знал, что имеет полное право сделать этот выбор.

Как и сказал в день огненного погребения прежнего ларандфорда за эту зиму порядком одряхлевший Барнад — ты выбрал уже давно. Теперь ты — Ланстеван.

⁵ Боги стихий большей части описываемого мира.

Часть 2

6

Надвратные башни и дворцовые шпили казались нарисованными прямо на небесном своде прозрачной лазурью. Возникли они вдалеке уже давно — и к концу нынешнего дня пути, девятого по счету, неземная легкость видения нальется наконец красками и плотностью; столица перестанет казаться волшебным городом из легенд, станет тем же, чем является любой город или крепость — камень и дерево, люди и лошади, сталь и уголь, собаки и кошки, и — постоянный шум, многоголосый гомон. Просто в столице этого всего одновременно очень уж много: самый крупный город Аскалона, как-никак.

Аэд ехал в столицу впервые, но вполне верил словам своих спутников, бывавших за светло-серыми (а издали — так и вовсе кажущимися снежно-белыми) высокими стенами города Короны.

— Что еще следует держать в голове, когда мы прибудем ко двору? — поинтересовался юный владетель замка Ланстеван у своих товарищей.

Он окидывал взглядом то зыбкое видение столичного града впереди, то земли, через которые лежал их путь: все то же, что и трое суток пути до этого. Все то же, что и в собственных землях, и в Эрвенсине, и дальше к центральным частям страны. Скупой сизой зеленью взялись леса, на побитых зимними морозами полях пусть скверно, с проплешинами, но всходили посевы, лезла из жирной грязи обочин свежая колкая трава. Не слишком теплая весна все равно наступала — медленно, неумолимо.

— Да собственно, Хью все верно сказал. Разве что лично я бы посоветовал вашему фордству не закусываться, не сходитьсь лоб в лоб с теми, кому Наместник открыто благоволит, — медленно проговорил один из его спутников — рыцарь по имени Гереланн. Это был солидных лет кряжистый муж с окладистой рыжей бородой, открытым крупноносым лицом и густосиним суровым взглядом. — Насколько я помню, в их число входят сир Лерайд Марграйгский, сир Нифрен из Перта, господина из Ниса опять же... и я не про мелких дворянчиков вокруг старшего владетеля Ниса, нет — этих хоть во всем горным стуканцам посылайте, с них не убудет. А вот со старшим ларандфордом и его кузеном держите ухо востро. Ну, постарайтесь хотя бы сразу не хвататься за меч, я имею в виду.

Аэд коротко хохотнул:

— Ну хоть с младшими можно не лебезить!

Хью, оруженосец, едва слышно крякнул.

— Вы, сир Аэд, характером настолько в корневую породу Ланстевана удались, что я, наверное, повторю слова сира Гереланна: постарайтесь сразу не расквасить никому физиономию. Я имею в виду — от вас этого даже будут ждать, и, наверное...

— Провоцировать?

Двое других знатных спутников — рыцари Мадок и Иффан — вразнобой поддержали старого оруженосца. Поддержал бы, наверное, и оставшийся в замке Гарет — брат Гереланна и второй, кому Аэд доверял пуще прочих из всех, присягавших унаследованному им гербу.

— Что же, запомним, — Аэд кивнул. И мрачновато добавил: — Ланстеван может быть и терпеливым.

Рыцари переглянулись — и Аэд медленно кивнул в ответ на их взгляды. Не произнесенное вслух окончание фразы «только стоит это терпение для проверяющего его крепость больше, чем открытый удар» — он не стал озвучивать. Не было нужды — начертанное на одном

из памятных камней в честь выдержанной однажды замком, несколько веков назад, долгой осады, его знал каждый ленник, каждый слуга и разумеется, каждый знатный ланстеванец.

— Что о владетелях Равен-Поу скажете? — любопытствовал вдруг Аэд.

— Лизоблюды столичные, — фыркнул Мадок. Прищурился, глядя в горизонт, и пожал плечами, добавив уже спокойнее: — Срединные земли, кому им, кроме как Столице, в дружбе-то признаваться?

— Так-таки и лизоблюды? — сдержано уточнил Аэд.

— Да как сказать. Род старый, только того... выветрился порядком, — Хью степенно сложил руки на луке седла, не торопя и не придерживая лошадь: он ехал на треть корпуса позади Аэда, вроде как не мешая его беседе с прочими, но и все-таки находясь рядом, если понадобится что-либо.

— Точнее не скажешь, — хохотнул Гереланн. — Выветрился! Расфукали богатые земли за долгие века, есть такое. Балансируют на остатках громкого имени и родовом норове, сам владетель Равенри вроде хорохорится, живет за счет столичной дружбы припеваючи, а вот многочисленная родня его далеко не столь в меду и масле пребывают, ох не столько!

— Говаривают, сейчас в Равен-Поу неплохо живется, — возразил Иффан. — Во всяком случае, последние лет десять так точно.

— А я скажу почему! Потому что ушлый батюшка нынешнего ларандфорда ловко наторговал красотками-племянницами и сестрами своими, раздав тех замуж к самым знатым срединноземельным богатым, столичным умникам при дворе да родичам рыцарей Круга — с придаными, конечно, было туго, оттого и земель осталось вдвое меньше, чем еще полтора века назад за родом Равенри числилось. Зато связей, а пуще того, готовой спасти от нищеты родни стало — в день не сосчитать, — Мадок усмехнулся. — Так что или расфукали, или вложили на долгие годы, как посмотреть... родственные связи тоже дело важное. А все одно, скользкий народ. Столичный.

— Забавно, — проговорил про себя Аэд. — Ну что же, запомним и это.

И, словно мимодумно, поправил за спиной щит — на нем красовался обновленный личный герб ларандфорда Ланстеванского: к прежней вороненой латной руке в поле цвета старого золота, сжимающей три стрелы, была теперь добавлена прихотливо обвивающая эти стрелы ветка горной розы, белого шиповника. Всякий новый владетель, наследовавший ларанд не по прямой линии, мог по своему желанию завести себе личный герб, дополнив прежний родовой. Аэд решил, что воспользуется этим правом: да, прежний ланстеванский герб для всех останется неизменен, но на своем щите он велел добавить горную розу.

На какое-то время после воцарилось молчание. Каждый из путников думал о предстоящих столичных делах — и вопросов у каждого в голове было больше, чем ответов, другое дело, что молодого владетеля и его подданных-рыцарей занимали вещи если не разные в корне, то с разными нюансами так точно. Но были и общие вопросы, задавать которые в слух было пусть и неприятно, но все-таки необходимо.

— И все-таки, сир Аэд, налогов в этом году мы от силы треть столице везем. Нужно что-то да говорить на собрании. В прошлый раз вы сказали, что подумаете, с чем выступите — а самое главное, что мы все будем делать после. Мало получить отсрочку — стоит подумать, что мы сможем отдать через год, — Иффан, как ему казалось, тщательно подбирал слова, но вслух все равно вопрос прозвучал настырно.

— Я подумал, — Аэд не повел даже бровью. Хью выпрямился и настороженно поглядел в сторону говорившего — по привычке, разумеется. Оруженосец отдавал себе отчет — даже будучи старым и опытным воином, приближенным и верным другом ларандфорда, ему не стоит совать нос в беседу рыцарей, и уж тем более защищать юного форда нет нужды: Аэд отлично умел держать натиск горячего спора и сам. А более того — сир Иффан искренне заботится о

делах замка, и сколь бы неприятные вещи он сейчас не спрашивал, думает он лишь о благе Ланстевана.

— Просветите нас, что надумали? — буркнул Гереллан, вполне готовый к ответу в духе «когда будет время и место» или же вовсе «не сейчас».

— Ну, в общих чертах, ибо я могу прийти еще к каким-то новым выводам, когда ближе взгляну на тех, с кем придется иметь дело, — Аэд покосился на товарищей. — Но пока я скажу так: у меня есть ряд идей, как нам вернуть прежнее благосостояние. Я понимаю, сир Иффан, вашу тревогу — виноградные наделы пострадали...

— Почти под корень погибли, во всяком случае на вверенных мне землях, — буркнул Иффан, сумрачный человек с пепельными волосами и тяжелым взглядом. — А драконова доля денег, что должны были пойти на подати, и поступала с вина и виноградного масла. Я... не привык чувствовать себя побирушкой.

— Прикуси язык, сир Иффан, — усмехнулся Аэд, впрочем, без какой-то злости. — Это я приказал половину твоих собранных денег оставить у нас. Не ты выпрашивал. Не ты затаил от Короны — будут боги к ней милостивы — положенную долю. Нам они нужны, чтобы поднимать рухнувшее и кормить людей.

— Спросят в Круге о том — такими словами и скажешь, — пихнул Иффана в бок Герелланн, ехавший рядом с ним.

Тот лишь кивнул. Покивал и Мадок, но с сомнением покряхтел себе под нос, не скрывая того, насколько на душе неспокойно. Что-то хотел добавить, но промолчал.

— Дадут Айулан — не спросят вовсе. Я постараюсь быть убедителен настолько, что... что не станут допытывать еще и у вас, — Аэд вздохнул. Он вовсе не был уверен в своем красноречии настолько, насколько пытался показать — но ему было жизненно необходимо, что бы в него поверили те, кто его зовет фордом, владельцем и господином: эти битые жизнью, бывалые рыцари, старые хозяйственники, прежние соратники Ольрика, опора и поддержка всего ланстеванского ларанда... ныне — соратники и ближайшие доверенные самого Аэда. Подумал еще — и добавил, уже более сумрачно:

— И запомните — Ланстеван не побирается. Не выпрашивает. Мы ставим Наместника и круг в известность, каковы наши дела — и сообщаем, что полная подать в этот год не может быть выплачена.

— Вы так говорите, будто при Круге у вас полно друзей, — буркнул Мадок. Он выглядел моложе двух остальных спутников Аэда, на дюжины три с половиной зим, не больше — но мрачности ему было точно так же не занимать. — Хотел бы я знать, откуда такая уверенность.

— Уверенности нет. Есть несколько мыслей. Первая из них — Круг не станет ссориться с пограничным фордством сейчас — трудная зима выдалась не только у нас, — хмыкнул Аэд. — Нашу наглость стерпят. А после она больше не понадобится, я надеюсь всем сердцем.

— Главное, не нажить новых недругов изнутри страны, — нехотя согласился Мадок. — Решат еще, что пора откусить кусок от нашего пирога — мол, если он вам самим не по зубам...

Аэд только широко, недобро ухмыльнулся в ответ и подстегнул коня, послав его вперед — оторвался от спутников примерно на половину фуллонга⁶ и снова сбавил ход, постепенно позволив товарищам нагнать себя. Мысли у него в голове по поводу хозяйственных вопросов постепенно упорядочивались — и им нужно было немного тишины. А еще — очень хотелось въехать в столицу собранным и стойким, а не смятенным и растерянным. Аэду, если уж быть честным, с большим трудом давалась личина, которую он добровольно сейчас надел. И больше всего — не хотелось на ходу отвечать, что он будет делать с вымерзшими почти подчистую виноградниками, скудно всходящими на полях посевами и измученными голодом последних весенних месяцев людьми.

⁶ Мера длины, 1/8 мили, или же около 1/5 километра.

Впрочем, тихое бормотание Хью, прозвучавшее за спиной юноши: «сейчас ну ровно вылитый Ольрик, упокой Солнечный Чертог его душу, да сохрани нас здесь Айтир от тени... вот когда нам лет по двадцать было — такой же норов помню за ним... правду говорю — и вот только бы молодой сир не зарубил никого на совете!» говорило о том, что Аэд преуспел в скрывании своих волнений лучше, чем ему казалось.

Столица носила древнее имя Кэр-Керайв, что значило «оленьи рога» — такое же имя было у той цепи холмов, на которой раскинулся город. Они были не слишком высоки — но все-таки поднимали столичные стены над равнинами вокруг, и стены высоко возносились над едущими по дороге к ним путниками.

Их возводили очень искусные руки — но это было очень, очень давно. Светло-серый, выполосканный ветрами и дождями до белизны камень плотно прилегал друг другу, и Аэд не мог не отметить: все-таки молва не врет о том, сколь прекрасны стены великого города, *королевского венца, что лежит меж оленьих рогов*, как высокопарно величали в песнях столицу. Но точно так же не укрылось от взгляда юноши и то, что прекрасные башни и зубцы стен не пощадило время — тут и там виднелись следы грубоватой позднейшей починки, серо-белый гладкий камень заменяли рыжим песчаником или вовсе грубыми глиняными кирпичами, скверно побеленными — облупившимися, потертыми. Кое-где вообще были наспех сколочены дощатые щитки — так и не замененные ни камнем, ни кирпичом. Время не знало жалости — а столица была стара, очень стара. Это был город первых королей, тех, кто не просто застал времена легенд — а тех, кто сам был частью этих преданий.

— Говорят, когда стены были только-только завершены, Аранм-Мавк Эльмасар вместе с нашим государем Гвидионом Отважным поднялись на левую башню над воротами, осмотрели окрестности — и там же скрепили договор о союзе меж Аскалоном и Марбод Корту, пока стоит мир. И наш государь тогда же и сосватал свою старшую дочь в жены королю кортов. Свадьбу играли шумно, аж в двух столицах разом — только вот не вышло ничего из того союза... — проговорил Хью, провожая долгим взглядом проплывающую над головами громаду замковой стены, когда путники вступили под сень городских ворот — стража, взглянув на гербы и грамоты ланстеванцев, почтительно поклонилась и пропустила знатных господ с приличествующей сдержанной учтивостью.

— Мы все читали древние легенды, дружище. И в детстве слышали не одну охапку самых завиральных историй о королях древности, — хмыкнул Гереланн. — И даже точно вспомнить, действительно жили ли Гвидион и Эльмасар в одно время, сейчас никто не сможет. А ты про договоры...

— И все-таки они когда-то ходили по этим стенам, — неожиданно проговорил Аэд, тоже запрокинув голову и проводив взглядом остающиеся позади шпили башен. — Вместе или порознь, но ходили. И договоры меж нашими странами — были. Во множестве.

— Когда это все было... — Гереланн мотнул головой с некоторым смущением. — Слишком давно. Слишком.

Аэд не ответил. Промолчали и остальные. Молодой ларандфорд приграничья неторопливо оглядывался по сторонам: все-таки Кэр-Керайв он посетил впервые. Юноша не стеснялся своего любопытства — но по давно выработавшейся привычке даже озирался по сторонам сдержанно, так, чтобы стороннему наблюдателю казалось: путник просто подбирает постоянный двор почище, вот и все.

Город был велик. Действительно велик — от привратной грязноватой и тесной площади до широкой, с мощеными дорогами в разные стороны, рыночной можно было идти добрых три лучины, если пешком. До дворца — он высился по правую руку, песочно-серой громадой в светло-зеленой пене просыпающегося по весне сада — и того дальше.

Дома ближе к центру были высокие. Из камня и кирпича, крытые тесом или черепицей — где-то крашеной, где-то просто рыжей. По краям города домики делались ниже, шире, коренастее — и там же начинались многочисленные кузницы и мастерские, конюшни, кожевенные, гончарные — а между ними и рынком, в квартале торговцев, было полно вывесок с кружками, кренделями, метелками, пляшущими лешими и зайцами, пирогами или еще чем похожим, но однозначно дающим понять: здесь пьют, едят, отдыхают.

— Вы имеете право затребовать постой во дворцовых палатах, — подсказал Хью. — А можете выбрать любую таверну. Все на ваш вкус, сир. Правда, пышного ужина во дворце нам не предложат — Наместник и раньше был скуповат, а уж нынче-то и подавно, поди, но и голодными спать не отправимся ни мы сами, ни слуги, это я уж уверен.

— Раз уж мы проделали такой путь, пусть Наместник принимает нас, — отозвался Аэд. Он еще в пути решил, что не станет играть в нелюдимо гордеца без нужды — или пренебрегать положенными его положению привилегиями.

Но все равно не без интереса изучал некоторые проплывающие мимо вывески — сдержанные или откровенно залихватские, отражающие, видимо, неумную фантазию хозяев. Потом спохватился — город был большим, но почему-то на улицах было излишне... серо. Не тихо, не затхло — просто слишком обыденно. Точно люди разучились удивляться новому и смотреть вверх. Горожане хмуро спешили по своим делам, торопливо убираясь из-под ног лошадей знати, даже не взглядывая на гербы приезжих — кроме самого Аэда, в эти дни ко двору Наместника съезжались еще ларандфорды, но их прибытие мало волновало жителей: то ли в силу привычки, то ли еще почему.

Откуда-то неслись приглушенные звуки брани, работали и кузницы вдалеке — только вот рыночная площадь казалась тоже неожиданно серой, как будто с нее смыло половину торговцев и заодно яркие краски товаров. Сварливо торговалась старая лавочница с покупательницей в горчичном плаще поверх долгополого, крашеного крапивой шерстяного платья: наверное, две женщины готовы были спорить из-за пучка моркови, нескольких репок и пары монет до вечера. За дверями с вывесками постоялых дворов не слышалось ничего, кроме негромких разговоров да нечастых окриков подавальщикам; где-то упрямо кричал не желающий идти, куда ему велено, мул. Город жил своей жизнью, но радостной эту жизнь назвать язык не поворачивался.

В довершение ко всему, Аэд уже перестал считать белые стяги на стенах. Они начали попадаться еще в ремесленных и купеческих кварталах — и никуда не пропали, когда пошли дома знати. Белый, без каких-либо изображений, стяг на стене дома означал, что кто-то из домочадцев недавно умер. «Знамена скорби» — с ланстеванских стен их сняли совсем недавно.

— Лихорадка-то и здесь народ стороной не обошла, — заметил негромко Аэд. — Я-то думал, в срединных землях зима выдалась не столь сокрушительной...

— Если боги за что-то карают, то всех сразу, — смиренно произнес Хью. — Ну, или не карают... посылают испытание. Так жрецы Солнечного говорят.

Иффан покрутил головой и крякнул:

— А на дворцовых-то стенах ни одного белого полотнища, надо же.

Мадок что-то проворчал себе под нос.

Аэд лишь пожал плечами: это и впрямь казалось странным. Но... не стоит ли тогда порадоваться, что хоть где-то смерть умерила свои аппетиты? Решил пока что про себя — сперва все нужно разузнать. И с тем двинулись путники прямо во дворец. Там их встретили если не с радушием, то уж точно вполне сносно. И то славно, решил Аэд, оставив слуг, оруженосцев и спутников устраиваться.

Собрание Круга, на котором Аэд собирался говорить с Наместником, назначили на следующий день — ланстеванцы изрядно приободрились этому известию, ведь некоторые ларандфорды со свитой, прибывшие ранее, неделями дожидались аудиенции.

С одной стороны, Аэду действительно стало радостно: проволочек в делах он не выносил. Да и излишне много болтать с собравшимися при дворе фордами других земель настроения у него не было. Он сухо отвечал на формальные соболезнования, дважды резко осадил слишком длинноязыких господ, начавших беседу с поздравления с новым статусом — одним из них оказался приятель принца Ллеу, имени его Аэд в запальчивости не запомнил. А вот еще одних неосторожных господ он припомнил и без представлений — это был Эверик и его племянники, те самые, господа из Ниса.

— Вызвать вас на дуэль, сир? — скучающе спросил Аэд, глядя поверх головы Эверика. — Или вашего болтливого родича? Пожалуй, не стану — в дни собраний круга дуэли запрещены. Ступайте с богами уже. Радости от беседы вы, я вижу, не испытываете так же, как и я.

«И выбирайте слова», — мысленно добавил Аэд, когда, обменявшись двусмысленными взглядами, нисские дворяне удалились прочь, и их отмеченные изображениями речных чашек и волн гербовые плащи скрылись за поворотом длинной галереи, опоясывающей дворец. Больше они не сталкивались, по счастью — не лицом к лицу, по крайней мере.

А с другого взгляда — то здесь же, в столице, Аэд неожиданно для себя встретил Арвина Кайрланна. Он тоже прибыл ко двору. Единственное приятное лицо среди всей этой круговерти — искренне выдохнул молодой рыцарь северных земель, когда они встретились: не в дворцовом саду, но в городе, в одной из таверн, где Аэд решил в тишине поужинать в день приезда.

Услышав о смерти Ольрика, Арвин только порывисто, крепко сжал ладонь Аэда в своей руке и обнял друга. Ничего не сказал более — но Аэд впервые почувствовал, что хоть кто-то здесь действительно искренне соболезнует ему. От ничего не значащих, пустых слов этикета у него начнет звенеть в ушах только завтра — но всеобщая пустота лиц и взглядов придворных успела приесться уже в первый же вечер: оттого он и сбежал в таверну, оставив вкушать дворцовые яства своих спутников.

И вот после этой встречи Аэд подумал — может, он бы не отказался побеседовать с сиром Кайрланном подольше, чем один вечер перед собранием. Ответить на осторожные расспросы — и поделиться тревогами, рассказать, что по сию пору винит про себя в смерти Ольрика то злополучное падение на турнире: в самые холодные и ветреные дни спина у дяди болела особенно сильно, он мало вставал и медленно, тяжело ходил, может, если бы не это, если бы кровь в жилах его в ту пору бежала быстрее от нормальной бодрой ходьбы, он и не заболел бы... выслушал в высшей степени разумные доводы Арвина о том, что предугадать никогда нельзя — и сколько молодых жизней отняло поветрие, так в чем и чья вина? Понял, бы, что все это не раз повторял себе сам — и наконец выдохнул остатки горечи прочь из собственного существа окончательно, как спертый воздух минувшей зимы из легких. Впрочем, разговор этот состоялся все равно — просто уже после собрания.

Ведь и сам Арвин тоже собирался выйти пред очи Наместника: родные, сообщил он, уговорили его рискнуть вновь подать прошение о восстановлении родовых прав хотя бы частично. Не спрашивай, как именно уговорили — мрачно улыбнулся одним уголком губ Арвин и долгим глотком осушил свою чашу с вином, всю разом. Но рискнуть еще раз я все-таки должен, добавил он. И Аэд не спрашивал более. Знал — если захочет выговориться, расскажет сам.

Собрание началось в полдень, но стекаться в коридоры дворца перед Залом Круга люди начали заранее. По традиции, Круг и Наместник обсуждали сперва вопросы, предназначенные не для широкой публики — а потом двери Большого Зала отворяли, и в них входили все прибывшие, одни или со свитой, если знатность рода позволяла такую вольность. Ларандфорду

Ланстевана — позволяла, и Аэд, подумав, все же взял с собой Мадока и Гереланна. Иффан остался заниматься прочими делами — таковые в столице имелись тоже, торговые по большей части.

Вот створы дверей, окованные позолоченной, но порядком вытертой бронзой разошлись в стороны — и самые торопливые хлынули вперед. Аэд спешить не стал. Дождался, пока толчея разойдется, и прошествовал по полированным плитам в зал: под ногами тянулась прихотливая резьба в камне, иллюстрировавшая сказания о сотворении мира, о дарованной Аскалону милости Матери Вод — девы Аймиры, и прочие. Местами линии стирались от времени, местами — хранили следы подновлений, несколько небрежных в сравнении с исходной твердостью руки, выводившей древнюю резьбу.

Впереди громоздилась каменная плита Круга — стол собрания, столь же древний, как и узоры на полу, колонны в галереях и анфиладах переходов. Как сам дворец и столица целиком.

Аэд обвел взглядом собравшихся. Конечно, глупо было ожидать застать Круг в полном составе — в него ныне входило около двух дюжин рыцарей и землевладельцев. Но самые, пожалуй, весомые фигуры все-таки будут присутствовать. Так и было. Наместник и те, кому он верит сильнее прочих. Пустовало совсем немного кресел — Аэд знал имена и родовые гербы всех, но решил про себя, что говорить станет с Наместником лично.

Пока предыдущий ларандфорд заканчивал свою речь, юноша и вовсе не глядел на людей вокруг. Аэд глядел на трон. Его мог занять только законный правитель, и Наместник — ни один из — никогда не касался ни сиденья, ни полированных, из мореного дуба подлокотников, ни спинки, поддерживаемой каменной могучей резной плитой, где в узоры сплетающимися ветвями дуба, плетями ползучих роз и оленьими рогами да гибкими телами гончих и вверх возносился каменный же венец — всем известная Корона Мечей. На самом троне покоилась бархатная подушка, в ногах стоял гербовый церемониальный щит — лак и тщательная роспись, золотые краски, травленая узорчатая оковка. Четыре поля наискось — лазурь и зелень вверху и внизу, старое золото и серебро по бокам. В центре — голова оленя с ветвистыми рогами, и меж рогов парит все та же Корона Мечей, оплетенная ветвью дуба. Из небольшого окошка в самой верхней части свода — потолки в зале были высоки, а своды остры — на трон падал рассеянный луч света, бледный, почти призрачный.

«В зале том, точно в луче небесного света паря, стоит трон вечного нашего короля... Корона ждет, корона о сильной руке вопиет — доколе лежать на сиденье пустом... алкает корона прихода того, кто в жесте простом коснется ее — и власть обретет...» — в голове прозвучали сами собой слова известной, наверное, всем в Аскалоне песни о королевском наследии. Короны на самом троне не было. Лишь то, что изображало ее — вышивка золотой нитью на подушке да каменный венец над спинкой. А ведь всегда говорили — корона действительно должна возлежать на той бархатной подушке на сиденье, а щит — в ногах трона, и королевский меч в ножнах на подлокотнике... щит был здесь. И все.

Ниже и левее помещалось резное кресло Наместника — черное дерево, узкая спинка со стрельчатыми пиками. А в самом кресле, небрежно опираясь локтем о край столешницы Круга, восседал Бeadвир Пресветлый. Все Наместники с этим титулом получают вместо прежних прозваний одно на всех — это самое «Пресветлый».

Наместник не был стар. Скорее — потрепан жизнью и отмечен некими ее излишествами, что явственно виделось в слегка одутловатом лице и тяжеловесной манере движений, хотя толстяком Светлейшего не назвал бы и придиричивый недруг. Да, Аэд держал в памяти, что у Наместника был взрослый внук, но Хранитель Престола, светлейший Бeadвир, и на четверть еще не успел разменять пятую дюжину зим, это юноша помнил тоже. Когда-то Наместник был статен и благороден ликом — но именно что когда-то. От крыльев крупного носа Бeadвира к желчно поджатым губам пролегли глубокие складки, придавая его и без того не слишком приветливому лицу выражение брюзгливого недовольства, глаза колко посверкивали под густыми

бровями, по обнятым багряным бархатом и парчой плечам струились пробитые густой сединой волнистые каштановые волосы, не прижатые ни головным убором, ни наместничьим обручем, представляющим собою простой тонкий обод с белым овальным камнем посередине, каковой должны были носить Наместники в знак своей верности престолу и истинному обладателю Короны. Зато на груди покоилась роскошная цепь из узорных звеньев с камнями и жемчугом — такой тонкой работы, что за нее, наверное, можно было купить не одного боевого коня в полной выкладке, при том лучших пород и идеальной выучки. Аэд уже тогда подумал, что Беадвир больше похож на купца из тех, кто побогаче, чем на рыцаря, не смотря на цепь и изысканный наряд.

«А ведь принц Ллеу действительно на него похож. Займет ли он однажды это сиденье?» — нехстати подумал Аэд. И тут же осознал, что думает о таком варианте развития событий как о далеко не лучшем, и глухая неприязнь вскипает внутри совсем не к месту. Сколь худые времена для рыцарства царят, если бестолкового повесу принца Ллеу считают эталоном юного воина! Аэд тряхнул головой и шагнул вперед.

По традиции, вышедший с докладом пред очи Наместника знатный мог сесть в общий Круг: для этого была заведена небольшая скамья прямо напротив кресла Пресветлого. Аэд не стал этого делать. Его сопровождающие стояли на почтительном — в три шага позади — расстоянии за его спиной.

Молодой ларандфорд Ланстеван начал заготовленную речь с учтвого приветствия и короткого сообщения о том, что властью почившего этой весной Ольрика форд Ланстевана он, его племянник и воспитанник, вступает в право владения.

— Вы, юноша, не прямой линии наследник, ведь так? — скрипуче осведомился Роан Койлианский, один из старейших членов Круга. Острый чуть скошенный подбородок, массивный лоб, серые, пыльные какие-то глаза. Герб с красной башней в полуночном темном поле.

Его словам едва приметно улыбнулся сосед справа — сир Лерайд Марграйт, герб — три черные птицы и белый камень в индиговом поле. Не стар, но беловолос, как вымазанный мелом, сухолиц и до странного темноглаз. А за ним сидит Нифрен из Перта, ага — скучающее, ничем не примечательное лицо, чуть рыжеватые светлые волосы, на гербе красная лисица с добычей в зубах. Те самые, о ком говорили его люди еще в пути — пользующиеся особым благоволением Беадвира. Они пока что предпочли молчать.

— Мое имя я уже назвал вам, о сир Роан из Койлиана. Меня зовут сир Аэд. И я уже выбрал себе личное дополнение к гербу, — ланстеванец дерзко улыбнулся, не отводя взгляда. — Новым фордом и своим преемником же сир Ольрик назначил меня, пока был жив. Его подпись и личная печать в этой грамоте, вы видите сами. А что в ясной памяти мой сир оставался до последнего вздоха, смею вас уверить — словом рыцаря, буде вес его еще что-то да значит в наше время.

— Зимняя лихорадка унесла много жизней, это так, — проронил Наместник медленно. Голос у него был как у старого охотничьего рога — громкий, когда-то очень звучный, а сейчас точно рассохшийся, севший. — Примите соболезнования, сир Аэд.

— Принимаю. И именно об этом — последствиях зимнего поветрия и зимних морозов — я бы и хотел с вами поговорить.

Наместник вздернул брови. Ответить ничего не успел — Аэд выложил запасенные свитки и записи, переписи и налоговые пометы. Он готовился к этому разговору еще с последнего поминального возжигания огней в замке. Если не знал, то ожидал и предугадывал все, что впоследствии — и вздернутые брови, и напояк протяжный тон «ну так ведь по предыдущим данным вы должны были подать пять мер серебром и меру золотом...», и подрагивающие уголки губ, кривящихся в негодовании, и даже грозно сведенные брови — казалось, что и сам Наместник, и его Круг заранее сговорились, как будут отвечать на подобные просьбы — отсрочить выплату и пересмотреть размер подати этого года. Лерайд презгливо поворошил

списки. Нифрен что-то шепнул ему на ухо. Роан тер переносицу, задумчиво поглядывая то на товарищей по кругу, то на юного ларандфорда перед ними.

— Виноградники вымерзли на две трети. Люди едва набрали зерна, чтобы посеять хлеба вместо вымерзшего за зиму на поле. Людям нужно что-то есть — и в поле кто-то должен работать. Ленникам нужно жалование, — Аэд уже опирался на полированный камень обеими ладонями, подавшись вперед, и голос его, сперва спокойный и размеренный, налился сталью. Он не заговорил громче или быстрее — нет, просто слова слетали с губ отрывисто и резко, словно врубаясь в камень отточенными гранями.

— Так раз людей стало меньше, расходы тоже, следовательно, можно уменьшить, — протянул было Нифрен — и Аэд, не сдержавшись, сверкнул глазами и повторил то, что сказал своему товарищу еще в пути:

— Я не прошу милостыню, сир. Я извещаю Наместника о состоянии дел.

— Чего вы хотите, юный форд Ланстеван? — Наместник поморщился. Держать напор молодого рыцаря было утомительно, и то, как он на любой каверзный вопрос быстро находил нужные бумаги и объяснения, раздражало.

— Отсрочки налога, разумеется. Полная выплата в следующем году не заставит себя ждать — если в этот раз вы оставите нас в покое.

— В покое? В покое, юноша? Да что вы себе... — терпение у Круга кончилось быстрее, чем упрямство и настойчивость ланстеванца. Стоило ожидать, впрочем.

— Позволяю себе быть хозяином вверенного мне достояния, — огрызнулся Аэд — открыто, ибо возмущение исходило с дальнего конца стола, а значит, вес имело не самый большой. — Если хотите напомнить, что всякий ларандфорд, что не может нести вассальный долг, уступает неподъемные земли иным владельцам — я скажу лишь одно: кто отважится взять приграничье в свое управление?

— Ланстеван верно служил короне многие сотни лет и зим, — вдруг заговорил сидящий по правую руку от наместника полный и в годах, однако очевидно все еще крепко сидящий и в седле, а не только в кресле вояка, сир Ридалат. До этого он засыпал Аэда каверзными вопросами — но, видимо, ответы ему пришлось по нраву. Поэтому старик покивал сам себе, наградил сира Марграйга долгим взглядом и продолжил: — Не в наших правилах бросать песок в свои же колодцы, сир Аэд. Умерьте свою горячность, и я думаю... мы думаем, да, вы заслужили просимую отсрочку вполне. Ведь зима действительно тяжело прошла по всему королевству.

— Я не заметил белых знамен во дворце, — Аэд настолько устал от спора, что не прикусил язык вовремя.

— Это скверно влияет на дух и настрой. Не думайте, что боги обошли столицу и дворец напастью вовсе, — Наместник несколько досадливо потер бровь и сварливо поджал губы. — Я согласен с сиром Ридалатом. Подайте свиток, я подпишу отсрочку выплаты. Прочее, что привезли, со всеми положенными подсчетами примет казначей, я думаю, вы знаете. И ступайте уже. Можете носить герб корневого рода смело — вас словно из того же теста, что и весь Ланстеван, вылепили — вы скандалист, сир Аэд, но на диво честный. Мне же нравятся те, кто радеет о своих землях и остается при этом верен Короне. Тут вас ни в чем не упрекнуть. Так что... правьте мудро. Не оступитесь.

7

Воздух в саду показался Аэду холодным почти по-зимнему. Он глубоко вдохнул туманную сырость, повисшую здесь — и зашагал вперед без цели. Дворцовый сад был велик — и безлюден, а после аудиенции ему больше всего хотелось именно что тишины и одиночества.

На ветвях бледно-зеленой дымкой уже пробивалась листва, редкие вишневые деревца украсились белыми бусинами бутонов — но еще не цвели. Под ногами бурым покрывалом шелестел прошлогодний опад — кое-где его пронизывали зеленые стрелки первоцветов. И все равно с каждым шагом казалось, что Аэд углубляется в застывшее безвременье, вне сезонов, вне течения жизни вокруг. День и без того выдался пасмурным, а в саду, казалось, вовсе клубились туманы прошлого.

Рыцари ланстеванской свиты не последовали за Аэдом, хотя из зала они вышли вместе. Аэд собирался было покинуть собрание сразу, как только Наместник подписал его свиток — слегка поклонился, через секунду поклонились и его спутники, отступили, пропуская следующего, желающего держать речь — но Аэд, вспомнив кое о чем, все-таки не стал торопиться прочь. Встал чуть в стороне, у колонн — так, чтобы видеть собрание, но и не показаться назойливым. Аэд хотел услышать, что скажет Круг другим прибывшим ко двору нынче — и на то были свои резоны.

Арвин Кайрланн вышел говорить с Наместником, пропустив еще двух фордов вперед. Аэд поглядывал на друга издали, но он не мог не заметить, каким неожиданно бледным сейчас выглядело его лицо. Выражение на нем застыло жесткое, решительное — и Аэд пожалел, что все-таки не может расслышать большую часть того, что говорил и сам Арвин, и собравшиеся в Круге. Речь же он, судя по всему, вел обстоятельно, учтиво отвечал на вопросы членов Круга и держался воистину безупречно. Почти до самого конца. Почти.

Когда Наместник в недовольстве возвысил голос, Аэд отлично понял, чем все закончится.

— Ваша настойчивость, Кайрланн, кажется граничащей с безумием. Вам не довольно милости оставить за собой поместье и имя? Вы, ваш род, предали Корону, и это не обсуждается. Никакими извинениями такой позор не смыть, и к тому же, мне нет никакой нужды отнимать земли у тех, кто мне верен, в угоду вашему прошению сейчас. Что за управление вы дадите суровому краю после такой сложной зимы — вы, ни дня не владевший полным наделом? Ступайте, — Беадвир подался вперед, явно уже не желая держать маску спокойного, неторопливого властителя.

Последнее слово прозвучало подобно пощечине. Арвин вскинул голову.

— Корону? — он тоже заговорил громче. — Или вам, Наместникам, уже давно стоило бы начать говорить вместо этого нечто более честное — «меня, правителя Аскалона»?

— Не забываетесь!

— О, Светлейший, позвольте кое-что напомнить! Мой род пошел не против Короны, а против слова вашего предшественника. Наместник Лионар при этом был хотя бы немного честнее, хотя и намного амбициознее, стоит признать, — едко отозвался Кайрланн.

Наместник тяжело поднялся на ноги:

— Корона — это не только...

Договорить ему Арвин не дал:

— Да где эта корона, в конце концов?! Где тот, кто должен держать ее по праву пред всеми и честно носить на своем челе, а не прятать, как насадка, за десятком замков? Или нельзя прятать того, чего нет вовсе, сир Беадвир? Скажите уже при всех открыто — Короны в столице нет уже боги помнят сколько! Она пропала еще при первых Наместниках — а все делают вид,

что это не так! — и слышно было, что голос Арвина, громкий, легко раскатывающийся по залу, воистину трепетал от ярости.

К Арвину устремились несколько человек — и Аэд машинально стиснул руку на поясе, качнувшись вперед: оружия на Собрании никто не брал, по понятной причине, только вот выучка требовала действовать... но юноша тут же расслабился — узнал в этих двух Ойсина из Тара да одного из Кэрриаков, Эллиса.

— Я вам отказываю в вашем прощении, — ледяным тоном проговорил Наместник. — И лишаю права наследования поместья в землях Этрид. И вот моя милость — наказание касается только вас лично, но не вашей семьи. Подумайте, кому из родичей передадите владение. А теперь повторю — ступайте.

— Я понял, — Арвин заговорил спокойнее. Глаз он так и не отвел — смотрел в лицо поднявшемуся на ноги Беадвиру прямо и открыто. Товарищи, собиравшиеся было увести Арвина, замерли, подобно свите, за его спиной. Наверное, они просто хотели не дать ему сделать непонравившуюся глупость, после которой Кайрланна могли бы покарать еще суровее, но этого не понадобилось.

Аэд подумал, что чувствует себя сейчас крайне двояко — ему бы встать рядом с другом, подобно этим двум... но с другой стороны, он понимал, что сам бы счел едва ли не подлым толчком в спину попытку прервать его слова в такой момент. Украдкой перевел дух, запрещая себе вмешиваться — и во все глаза смотрел, что же будет дальше.

— Я вас понял, Светлейший, — отчеканил Арвин — и, развернувшись, стремительно покинул зал. Ойсин и Эллис вернулись на свои места — с некоторой неловкостью, точно опасаясь, что их спросят: что же вы хотели сказать, господа? Но Наместник на них даже не посмотрел. Опустился в кресло — грузно, тяжело, точно это была сложная работа, а не простое обыденное движение. И Аэд смекнул — эта медлительность во многом нарочита: Наместник хочет казаться внушительнее. И дело не в том, что Наместнику не хватало природной телесной стати — ему не доставало, видимо, стати душевной. И сейчас юный рыцарь увидел это как на ладони.

Аэд проводил шагающего прочь Кайрланна взглядом — и спустя совсем немного времени стал пробираться к выходу сам, но так и не обнаружил друга за пределами Зала: ни в длинных дворцовых коридорах, ни в саду, куда забрел, чтобы дать уже своим мыслям успокоиться.

Так Аэд и пришел в самый дальний уголок за дворцом — и что он уже ступает не по прогулочным аллеям, но меж древних усыпальниц и склепов, понял не сразу. Только когда из-за кустов выступила навстречу высоким углом серая каменная плита с памятными надписями, Аэд покрутил головой по сторонам и разглядел впереди и чуть в стороне резную арку входа в усыпальницу, увитую вечнозеленой плетистой лозой вроде плюща настолько плотно, что камня почти не было видно под ним. Чуть дальше виднелись еще пару склепов поскромнее, точно так же обтянутые плющом — только двери в них не были настолько же богато украшены каменными фигурами и барельефами, как у первого. Огненный прах погребальных костров аскалонцы не развеивали на ветру, как тхабатцы, а помещали в склепах, и его никогда не закапывали в землю — поэтому плита перед склепами была лишь плитой с перечислениями родов, чьи усыпальницы помещаются далее — и родовыми же вензелями по краю, но не надгробием. Не будет святотатством, если даже Аэду вздумается присесть на эту плиту и подумать обо всяком.

Сперва он и хотел так поступить, но вместо этого провел ладонью по прохладному камню, смахивая веточки мха и редкие листья. Пробежал пальцами по буквам и виткам узоров с краю, сдвинул сухую плетку прошлогоднего вьюнка. Прочитал родовые имена, поглядел на стрелки-указатели, изображенные на плите — и качнул головой в легком удивлении. Под резной аркой, судя по всему, была усыпальница не много, ни мало — королевского рода.

— Мог ли кто из тех, чей прах под этой аркой ныне, подумать, что королевский род угаснет вовсе? Да и где же тогда в самом деле Корона Мечей? Где?! — горько воззвал он вслух. — Почему никто не отыскал ее за столько лет?

— Ты знаешь ответ, я полагаю, юный рыцарь. Потому что тогда придется открыто признать — надеть ее не достоин никто, — за спиной раздался тихий голос, от звука которого Аэд непроизвольно вздрогнул — и рывком обернулся. Ничего жуткого или потустороннего в этом голосе не было, да и звучал он спокойно и без угрозы, но Аэд все равно повел плечами, словно от зябкости.

Из сумрачной глубины заросшего до лесной непролазности ряда усыпальниц к нему шагнула высокая худощавая фигура в темном плаще и низко надвинутом капюшоне. Ступал некто медленно, плечи незнакомца чуть поникли, точно согнутые горем или попросту возрастом, а движения казались скупы и расчетливы — и, хотя голос его был все еще вполне звучен и чист, по этой хрупкой грации Аэд заключил, что перед ним все-таки старик.

— Они все — Круг, Наместник, его приближенные — знают: никто из них не достоин, — повторил незнакомец.

Он подошел ближе и повторил аэдов жест — провел ладонью по каменной поверхности, смахивая с нее листву и сор. Потом неспешно опустился на плиту, бестрепетно сядя на холодный камень. Впрочем, он был с ног до головы закутан в плотный плащ, столь длинный и просторный, что целиком скрывал его до самых ступней. Выпростанная из складок одеяния рука в широком рукаве показалась Аэду странной — узкая и долгопалая, она была плотно обернута тонкими льняными повязками, уходящими и под ткань одежды, так что свободными оставались лишь пальцы до середины. И вот они-то и выглядели необычно — короткие овальные ногти и кожа на руках оказались неожиданно темны, аж до черноты. Не как сажа, а скорее цвета очень темного пепла — а по свободным от повязок участкам кожи тянулись тончайшие застарелые шрамы, при том не хаотичные, а точно складывающиеся в какой-то узор. Они были светло-серыми, тонкими и явно очень, очень давними.

Аэд поглядел в лицо незнакомца. Тот поднял голову и встретил его взгляд. Лицо незнакомец тоже скрыл повязкой, так что рассмотреть ясно можно было только глаза — бледные, как у рыбы, цветом походящие на сумрачное небо над головой, но в тени от капюшона кажущиеся горящими белым, будто болотные огни; брови выглядели седыми. Аэд медленно выдохнул — более странной компании он не мог вообразить.

— Кто вы такой? — спросил юноша.

— О, я всего лишь отголосок прошлого, — спокойно отозвался сидящий на камне. — Немая песнь по давно погибшим друзьям, которых я навещаю здесь, потому что больше никто не приходит к мертвым в эти дни. Что же до моего имени... чаще всего меня называют Адроддур⁷, либо кличут Голосом Ночи: выбирай любое прозвание, юноша.

Потом он повел рукой в сторону усыпальниц и внимательно взглянул на Аэда:

— Здесь уже давно не было гостей вроде тебя, и к тому же я не помню твоего лица при дворе. Пусть я стар, да и выхожу из этих задворков не то что бы часто, но я тебя прежде не видел.

Аэд склонил голову на бок и осторожно проговорил:

— Это верно, я не из столичных рыцарей...

— Можешь не страшиться, — смешок из-под капюшона был холодным и сухим. — Все равно ты уже здесь — а все имена я легко читаю по оставленным следам.

— Вы чародей?

Адроддур медленно кивнул. Потом добавил:

— Только явно не такой, к каким привык ты, юноша. И сделай мне одолжение, перестань выкать. Я знаю, что люди Аскалона помешаны на церемониях... но я от них отвык.

⁷ Что значит «рассказчик».

Пока они так беседовали, Адроддур подобрал несколько травинок, сухой лист, отщипнул веточку мха с плиты. Покатал мох в пальцах, бросил себе под ноги. Потом посмотрел сквозь истертый до полупрозрачности краешек листа на собеседника и неожиданно произнес:

— Дай руку, рыцарь. Я не желаю тебе никакого лиха, клянусь, — и с этими словами протянул обе руки вперед, ладонями вверх.

Аэд неожиданно для себя подчинился — и протянул свою.

Темные пальцы правой руки странного чародея едва коснулись его запястья сверху — обыкновенные чуть прохладные пальцы, сухие и быстрые.

— Тебя зовут в честь одного из ликов старшего бога... что-то с корнем «огонь», так? Дай подумать... Аэд.

— Все верно, — юноша, ошарашенный, кивнул.

— Выглядит так, точно я хочу пустить тебе в глаза пыль, думаешь ты наверняка... но нет. Я просто соскучился по живому голосу и словам, сказанным без тайного умысла, — старик вдруг вздохнул. — А тебя явно привела сюда какая-то лихая напасть. Потому что в ясном и добром расположении духа живущие не ходят меж теней погребенных сотни лет назад героев и не взывают без ответа о вопросах, на которые никто не рискнет отвечать. Я бы предложил тебе спрашивать обо всем, о чем тебе хочется узнать — я поразговорчивее мертвых королей, так уж вышло, а знаю... ну лишь немногим меньше. Я ведь действительно давно живу, да; только вот мне кажется, ты не из тех, кто поверит словам неизвестного колдуна, закутанного в лохмотья по самый нос.

— Да как сказать. Может, и поверю — раз уж обычным людям веры почти нет, после всего, что я видел и слышал в столице, — в сердцах бросил Аэд. — За каждым словом — двойное, а то и тройное дно, милость кажется проклятием или наветом, отверженные и опальные рыцари благороднее тех, кто купается в славе, а город Короны, оказывается, лишен этой самой короны уже незнамо сколько...

— Двести девяносто три года, — медленно произнес колдун. — Королева Диса почилла без двух оборотов триста лет назад, а рыцарь Мэриадок пережил ее ненамного... да, про него, Златоглазого, правда, много чего сказывают, но вот этому верить можешь спокойно — он дожил до глубокой старости. Это — правда.

— Откуда вы... ты все это знаешь?

— Я-то...? Хм. Дай подумать. Я уже говорил, что слишком многое видел своими глазами?

Аэд переступил с ноги на ногу.

— Давай так, рыцарь. Ты, я вижу, в большом смятении и сомнениях. Я оставлю тебя сейчас — подумай, что бы тебе хотелось узнать о короне, о городе, о королях прошлого или будущего... и можешь прийти в любой час, если захочешь спросить об этом у меня. Скажу только одно — тебе в любом случае придется узнавать ответы на все эти вопросы, что ты пока не можешь сам себе произнести, ибо они толпятся в твоём разуме, как воздушные пузырьки в водовороте — хаотично и бестолково. А уж с моей помощью или нет... воля будет на то только твоя. В любом случае я благодарен, что услышал живой голос, не обрушивающий на меня поток ругани — пусть с тобой будет благословение Аймиры и солнечного света, огненный рыцарь.

И с этими словами Адроддур поднялся на ноги и двинулся по тропинке прочь.

— Постой, — Аэд, растерянный вконец, окликнул его. — Ты... кто ты все-таки? Ты же не человек!

— Невероятно тонко подмечено, — судя по голосу, чародей усмехнулся. — Ты уже знаешь ответ, рыцарь.

С этим он ушел — а Аэд потряс головой: он только что говорил с... нэд-ду. Нэл-ду, не боящимся дневного света и с благоговением произносящим имена богов.

Ничто из того, что он слышал о темном народе ранее, не вязалось с только что увиденными и услышанным.

8

Чернила давно высохли. Аэд, тем не менее, бережно встряхнул лист, прежде чем свернуть письмо и запечатать. Поднялся — и вышел во двор.

Там его уже ждал надежный гонец с заседланной лошадью — проверял, надежно ли закреплен ценный груз. Аэд заглянул под полог, закрывающий его.

— Не беспокойтесь, это действительно лучшие почтари приграничья, — проговорил гонец, приложив руку к сердцу. — Ценный дар, сир. Я полагаю, ваша дама по достоинству оценит этот жест.

Аэд усмехнулся — поправлять посланца он не собирался. Во-первых, это был не слуга, а выходец пусть и из небольшого септа, но все-таки знатный человек. А во-вторых, он в своем предположении вовсе не так уж и ошибся. Фиона из Равен-Поу вовсе не смутилась, когда Аэд в их недавнюю встречу в самом конце сказал — я бы хотел на следующем турнире попросить ваш рукав, светлая леди. Более того — лишь на секунду опустила взгляд и после, подняв глаза, с улыбкой ответила — тогда он будет ваш, сир Аэд. То, что явно крутилось на языке у обоих — кто же знает, когда этот следующий турнир будет — не произнес ни Аэд, ни Фиона.

Гонец уехал — и к Аэду приблизился вестовой маг.

— Вы не доверяете магии, сир? Я вас могу уверить — в Аскалоне крайне мало мастеров, способных перехватить вестника, созданного магом. В смысле — не из амулета, а как положено. Я уверен в своем мастерстве, и не хотел бы...

— Я не доверяю сплетням, — усмехнулся молодой рыцарь. — А в ваших силах, господин Элдрайх, я не сомневаюсь вовсе. Просто вестники, я полагаю, привлекут много внимания. А почтовые голуби... мало кто в столичных землях разбирается в их породах, так что сочтут, будто леди Фиона попросту обменивается досужей болтовней с подружками.

Маг почтительно кивнул, чуть улыбнувшись — но спорить не стал. В чем-то Аэд был прав. Вряд ли в тех самых столичных землях кого-то можно было удивить и снующими туда-сюда магическими вестниками — но Элдрайх явно отметил: юный ларадфорд, в отличие от многих, не видел в магии лишь способа потешить свои прихоти. Мало кто сейчас относился к колдовскому ремеслу с такой серьезностью. А рассудительность Аэда уже многих за совсем небольшое время успела и удивить, и обрадовать, и озадачить — не только в собственном замке.

Фиону молодой ларандфорд Ланстевана встретил в том же саду в день собрания Круга — всего спустя лучину после разговора с Адроддуром. К слову, пробродил по саду Аэд и после этой беседы немало, так и не отыскав ни малейшего намека, что его друг Арвин Кайрланн мог укрыться в этих дебрях от лишних глаз, как сперва юноша было и решил. Аэд успел уже подосадовать на размеры сада и заподозрить, что самым бесславным образом заблудился в нем, когда из очередной глухой, заросшей аллейки вывернул на широкую, хорошо расчищенную тропу, а по ней уже вышел к каменным скамьям, да к пока что еще совсем серым и голым, но явно просыпающимся после долгого холода кустам роз и гортензий и пустым вазонам, куда по летней поре высадят фиалки, лилии и гвоздики, а вместе с ними — и неброскую руту, что приносит удачу, и душистый фенхель, изгоняющий своим ароматом злые наветы, и солнечно-золотистую календулу, сулящую любовь — и иные цветы и травы, что модны нынче при дворе.

Наваждение безвременья точно рассеялось — а может, дело было в проглянувшем меж облаков наконец солнце. Там-то Аэд и увидел Фиону, сидящую на скамье поверх заботливо припасенной бархатной подушки. Она была погружена в чтение; подле нее лежало еще два тома: один темный и увесистый фолиант, второй больше напоминал сборник заметок — старинная потертая тетрадь без обложки.

Плечи девушки окутывал плащ — мягкая теплая шерсть яркого шафранного цвета, того особого, дышащего солнечной живой теплотой оттенка, что делает просто яркую ткань поистине драгоценной. Это было очень красиво — как сияющий золотой лепесток на сером граните. Но залюбовался Аэд ею не поэтому. Секунду или две он боролся с собой — желая окликнуть ее, чувствуя, как в груди точно так же неожиданно теплеет от одного вида ее склоненного к строкам задумчивого лица, засомневался: может, лучше будет не мешать уединению благородной девушки? Потом все-таки решил — нет, уйти, даже не поздоровавшись с нею, он не сможет.

И в этот миг Фиона сама подняла голову — улыбнулась, удивленная, и приветливо взмахнула рукой:

— Сир Аэд! Я рада нашей встрече, хоть и не ожидала в этом саду столкнуться хоть с кем-то... в такую пору тут не слишком много гуляющих.

Аэд поклонился в приветствии:

— Да, я заметил, светлая леди. Рад встрече не меньше, и надеюсь, вы не будете против беседы.

— Не буду, — она чуть качнула головой, и легкие тени от ветвей скользнули по ее лицу: солнце не торопилось снова скрыться, и от этого на душе становилось легче. — Что же вас привлекло в этот сад?

— Искал друга, — честно признался Аэд.

— Нашли? — она сделала жест приглашения ближе, и юноша шагнул вперед, а затем и опустился на край скамьи подле нее. На вопрос же лишь сперва мотнул головой, потом со вздохом признался:

— Того, кого искал, нет. Но если говорить в более широком смысле...

Фиона тихонько засмеялась и неожиданно спросила:

— Тогда скажите, а правду ли говорят, будто вы на свой щит поместили горную розу?

— Белый шиповник, что вы мне подарили на турнире? Да, все так. Мой друг тогда сказал, что это славная идея на счет герба. И я тоже посчитал, что лучшего и не придумаю.

— А откуда вы знаете, что это было мое решение с тем с шиповником? — она лукаво взглянула на юношу, и тот, смутившись, но, не подав виду, ответил со всей прямоотой:

— Мне очень хотелось в это верить, если быть честным. Я ошибся?

— Вовсе нет, сир Аэд. И... мне приятно отметить вашу проницательность.

Аэд все-таки на секунду отвел взгляд, чувствуя, как на скулах вспыхивают жаркие пятна. Если Фиона и заметила это, то ничем не обнаружила неловкости. Напротив, глаза ее вдруг стали серьезными.

— Простите, сир, я донимаю вас досужими расспросами, но вижу, что вас, кажется, что-то гнетет.

— Что вы, леди, вы вовсе не...

— Но вид у вас такой, будто вы не дружеской компании взыскуете, а одержимы тяжелой думой, — Фиона покачала головой. — Что-то случилось? Именно с вами, я имею в виду.

Аэд вздохнул, не зная, как ответить. Случилось, и многое. Вслух же сказал о самом причудливом:

— Я слышал голоса прошлого. Там, среди усыпальниц. Голос Ночи. Он так представился. Вы знаете, кто это?

Настал черед замяться и помедлить с ответом леди Фионе. Она заложила книгу шелковой лентой и отложила в сторону. На переплете Аэд разглядел вытисненные олени рога — символ мощи аскалонского государства. Девушка заговорила, тщательно подбирая слова:

— Это легенда. Я не знаю, есть ли те, кто вовсе никогда о нем не слышал — во всяком случае, здесь, в этих краях. Именно что легенда. И в прямом, и в переносном значении — Голос Ночи, таинственный чародей, что сопровождал Дису Первую Пламенную, еще до того, как

ее называли королевой, дали прозвание Пламенная и приписали ей все те бесчисленные подвиги и свершения. Говорят, что среди усыпальниц действительно можно повстречать... дух. Призрачную серую фигуру днем можно лишь увидеть, а в глухую полночь новолуния позволено задать вопрос — и услышать ответ. Если осмелишься, конечно же. Да, это одна из множества легенд древних дней, не больше и не меньше.

— Дух? — Аэд растерянно моргнул. Уж в чем-чем, а в абсолютной телесной реальности колдуна в темных одеждах он не сомневался. Вспомнил сухие пальцы в вязи шрамов, бледные глаза под капюшоном и низкий, негромкий голос. — По-моему, это был кто угодно, но не дух. И не человек. Но он был реален, как вы, как я — и как реальна эта скамья. Клянусь.

Фиона с изумлением вдохнула.

— Впрочем, возможно, среди праха древних королей и не такое может привидеться, — добавил Аэд.

— Знаете, я почему-то верю вашим словам, — медленно произнесла Фиона. — Возможно, мне не стоит больше расспрашивать вас об этом...

— Вы можете расспрашивать меня о чем вам угодно, — Аэд чуть улыбнулся. — Кому-кому, а вам я едва ли смогу сказать неправду. Только если буду верить в нее сам, искренне заблуждаясь.

И они проговорили еще добрых три лучины — Аэд немного поведал о дороге в столицу и том, что думает о городе и дворце, а Фиона показала свои книги и рассказала о дворцовой библиотеке — громадном собрании всевозможных редких трактатов, книг по истории, записок и свидетельств с самых древних времен.

— Моя подруга и наставница, фордалейн Глайанор, к которой я и приезжаю в столицу с визитами, порой говаривает, что я пропадаю меж полком больше времени, чем провожу на прогулках и балах, — Фиона кротко вздохнула. Ни капли кокетства в ее голосе не было, только легкая досада. — Дескать, это даже странно. Но я не собираюсь отказываться от книг. Вот эта, — она коснулась темного тома с рогами на обложке, — историческая хроника. О королеве Дисе. Замечательно написана, хотя считается научным трудом, а не книгой для развлечений. Ее читать интереснее, чем иную пьесу смотреть или слушать песни труворов! А вот эти заметки мне нужны для моего увлечения цветами... цветами и магией. Ведь так необычно, например, исхитриться и вырастить гортензию с лиловыми лепестками! Увы, большая часть моих подруг находит это занятие скучным. Но гортензии все равно я выращу, уж будьте уверены.

Фиона указала на те самые растрепанные рукописные заметки. С книг о цветах они снова обратились в беседе к историческому фолианту — и Фиона задумчиво произнесла:

— Одно меня тревожит, сир Аэд. В этой книге говорится, что пустой трон — слишком долго пустой — приносит проклятье в нашу страну. Оно, я так поняла, вложено в самую суть аскалонской земли — видимо, у богов было слишком своеобразное чувство юмора, и они решили, что без того, кто хранит их дар, милость этой земле больше не положена. Говорят, что Корона Мечей скована самим Айканто Небесным, благословлена касанием Айтира и омыта священными водами всеблаготворительной Аймирой Исцеляющей, а после передана первым королям Аскалона как залог нерушимости порядка и процветания жизни в этих землях. Достойный король или королева надевает корону. Садится на трон. И воля богов через него или нее сходит на землю, и приходит процветание Аскалона — да, трудами людей, но направляемое этой самой волей. Но трон сейчас пуст. И Корона... незнамо где. И година бедствий грядет. Так было перед воцарением Дисы — а ведь тогда трон простоял пустым вдвое меньше, чем сейчас. Преувеличивает ли хронист беды, что обрушились на нашу землю в те дни — или все-таки нет? И если тогда было так тяжело — каково будет сейчас? Имеют ли смысл мои мечты о цветах тогда? Когда доблестных рыцарей изгоняют прочь, а хвастунов... ох, простите, сир. Я не то говорю. Это... глупые слова.

— Ничуть, — Аэд покачал головой, пораженный тем, с каким затаенным сердечным жаром Фиона говорила о судьбе королевства. — Я считаю, что вы беспримерно умны и храбры, моя светлая леди. А мечты о цветах всегда уместны. Ведь если не думать о созидании, ничего и не наладится. Никогда.

И вот тогда-то он и попросил у нее знака благоволения на следующем турнире — и после они расстались. Чтобы писать друг другу письма, посылать сперва тонкокрылых вестников, а после — и голубей. Аэд подумал, что более странной и загадочной девушки не встречал, наверное, никогда: все, что он услышал до и после о Фионе Равенри из Равен-Поу совершенно не вязалось с той Фионой, что он видел в тот раз в саду. Кроме, разве что, изощреннейшего ума — некоторые его порой величали хитростью. Что ж, может статься, все прочие видели лишь ту Фиону, что она хотела им показать. Аэд отчего-то был уверен — ему она в тот раз не показывала никакой маски.

Арвина же Аэд отыскал уже к вечеру, на полузаброшенном молитвенном круге у каменного изваяния Аймиры.

Это не было парадное капище, пышно убранное моленное место вроде того, что недалеко от центра города, нет. Этот круг камней — невысоких, едва по колено рыцарю — утонул в зарослях сизой ежевики и орешника в самом далеком уголке города, почти на окраине столицы. Там и сям из пучков выбеленной временем прошлогодней травы торчали блеклоголубые и лиловые крокусы — и Аэду снова показалось, второй раз за сегодняшний день, что сезоны смешались и застыли: он вспомнил, как по осени в подобных кустах сквозь сухую траву точно так же лиловыми пиками простреливают венчики безвременников.

Владычица Вод, господствуя над сим глухим местом, нежно мерцающей в уже предвечернем, тускло золотом свете фигурой возвышалась прямо в центре круга: светлый камень изваяния казался теплым и живым, отражая уходящее солнце, и скользящие по ней тени делали каменный облик точно дышащим, настоящим. Она держала в руках круглую чашу, из которой, видимо, подчиняясь прихоти жрецов и магов, когда-то должна была течь настоящая влага — на камне сохранились дорожки изумрудно-зеленого мха, он же выстилал саму чашу. Изваяние было древнее — вырезанное из цельного бело-серого камня, оно отличалось изысканной красотой и тонкой проработкой рук и лица богини.

Арвин стоял перед богиней на колене, нимало не заботясь о чистоте наряда — почерневшая после зимы палая листва и грязь пятнали край гербового плаща с вышитым на левом плече знаком рода — красным единорогом, поднявшимся на дыбы.

Рука рыцаря Кайрланна покоилась на краю каменной чаши. Он что-то говорил, судя по движению губ — но расслышать его слова не представлялось возможным. Поза и решительность выражения лица молодого рыцаря не оставляли сомнений — он молился либо приносил клятву. Либо и то, и то одновременно.

Аэд не стал его окликать — Арвин, услышав даже не шаги, а легкий шелест их, обернулся сам. Поднялся на ноги, еще раз провел пальцами по краю чаши, словно обдумывая свои собственные слова, обращенные к богине только что.

— Это ты, Аэд, — он скупно улыбнулся, и с явным облегчением, как показалось лантеванцу. — Ну уже добрый знак. Не думаю, что был бы рад видеть кого-то другого, если уж начистоту.

Аэд приблизился к другу:

— Я не помешал твоей молитве?

— Нет, — Арвин тряхнул головой. — Я лишь высказал все, что было на душе. Божественного знамения не получил, но, знаешь, я не настолько мечтатель, чтобы ожидать подобного. Довольно того, что кому-то не все равно, куда я подался.

И он усмехнулся.

Тем временем Аэд во все глаза разглядывал круг и саму Владычицу Вод. При всей сдержанной красоте изваяния, что было лишь ненамного выше обычного человеческого роста, в ней угадывалось нечто странное даже на первый взгляд, и сейчас, когда юноша как следует вгляделся, он почувствовал, как по его спине скользнул легкий холодок.

Руки этой Аймиры обвивали тонкие резные узоры — начинаясь с кончиков пальцев как традиционные водяные завитки, они тянулись выше, до самых плеч, постепенно изменяясь, обогащаясь символами непривычными для образа Матери Вод — рога и дубовые ветви, острые грани копийных наконечников и бегущие гончие. На груди богини неведомый камнерез обозначил украшение — обломок оленьего рога, точно так же испещренный тонкими линиями рисунка.

А еще эта Аймира была облачена лишь в ниспадающие каскадом собственные волосы, струящиеся вдоль тела, ровно как и ее традиционные легкие одежды, но не оставляющие сомнений — мастер имел в виду лишь природную суть, как у скульптур Аймиры Первозданной, и более ничего.

Эту же Аймиру знали немногие — с ее дубовыми ветвями и тенями оленьих рогов напротив сердца, с водоворотами на дикуватом украшении — и сценами погони за белым оленем, вырезанными по ободу чаши — мох скрывал большую часть рисунка, но и его Аэд рассмотрел в достаточной мере. Как у всех богов-айулан, у нее были разные лики и разные каноны изображения — и такую ее называли Невестой Охотника. Она же — Аймира Необузданная, Аймира-стихия, стремительность потока — и неотвратимая его сила. Ей не молились о земных благах, как и Охотнику. Охотника даже не все считали богом, и уж точно не возносили в честь ему песнопения в каменных кругах на дни Поворотов Года, кроме глухой черной ночи Предзимнего Очищения — во всяком случае, одним из Айулан Охотник не был никогда. Но сказать, что он не был значим для аскалонцев — тоже означало соврать. Его именем или проклинали — или же умоляли отвратить черное заклятие, его боялись, им пугали... им взывали к каре для преступников, предателей и лжецов. Охотник был воплощением безумной ярости погони, и многие мудрецы нынче говаривали — он и не бог вовсе, а некогда это был просто человек, земная душа — тот, что дерзнул стать на равных с богами, и его за то наказали, заставив надзирать за темными сторонами натуры человека... И теперь наказывает он. Аэд в это не очень верил — в то, что боги карают дарованием такой великой мощи, во всяком случае. Но вот что у Аймиры Невесты Охотника — той, что по неведомой причине понравился лесной оборотень и коварный плут, каковым Охотник и был в абсолютно всех сказаниях о нем — не просят утешения, но просят силы для какого-то безумного решения, он знал твердо.

Арвин продолжал улыбаться, глядя на друга — то, как он рассматривает изваяние и круг. И улыбка его была подобна улыбке идущего в бой — оттого Аэд передумал спрашивать о чем бы то ни было.

— Я... слышал все, сказанное на Собрании Круга, и если бы мог хоть чем-то помочь, то... — проговорил он.

— Достаточно того, что ты здесь, — Арвин пожал плечами, и улыбка его наконец перестала напоминать маску обреченного. — Я уже сказал об этом. И да, ты сейчас верно все понимаешь. И вижу, ты понял, чье это капище. Я просил лишь о том, чтоб мне достало сил спасти мою землю. Если не всю страну вообще, то... Знаешь, я ведь надеялся, что Кругу есть что ответить на мой выпад о короне — но они лишь подтвердили мои худшие опасения, Аэд. Короны нет, а значит, Аскалон ждут еще более тяжелые времена.

— Вот это день, что ни встреча, все говорят о тяжелых временах, — пробормотал Аэд. — Как будто они хоть когда-то были легкими, времена-то.

— И то верно, — задумчиво согласился Арвин и кивком пригласил друга за собой: они двинулись прочь от круга. Аэд лишь на секунду задержался, чтобы поклониться немилостивой ипостаси Матери Вод, но молитвенные слова сдержал — он не был уверен, что готов их

произносить перед ней... по крайней мере точно не сейчас. — Прости меня, Аэд. Я не сказал тебе главного — что ни твоей дружбы, ни расположения ушедшего в Солнечные Чертоги сира Ольрика я точно не забуду, как бы не повернулась жизнь.

— Ты так говоришь, будто собрался куда-то далеко.

— Я пока не знаю, — Арвин закусил губу. Потом усмехнулся, посветлев лицом: — А ведь мне сейчас самое время принести обет вечного странствия, не находишь?

— Если соберешься стать таковым странником, вспомни, что Ланстеван всегда готов стать для тебя добрым приютом на этом пути, — Аэд склонил голову на бок, отвечая в тон. — Да и проговорили мы вчера слишком мало. Я намерен еще на сутки, а может, и больше, задержаться в городе — и был бы рад этому вечеру в компании доброго друга.

— Если тебя не смущает открытая опала имени этого друга, — Арвин фыркнул, и Аэд, не сдержавшись, пихнул его в плечо:

— Эй! С каких это пор мы меряем душевное расположение словами замшелых стариков?

Арвин помрачнел:

— Братья Кэрриак отводят глаза уже сейчас. Вроде были на моей стороне, а при всех уже начали сторониться, я видел. Разве что Ойсину плевать — так он бастард ларандфорда Тарского, ему не о чем печься...

— Ну я не Кэрриак, хвала богам, — скривился Аэд. — Я форт Ланстеван. У нас всегда на все свое мнение.

Арвин рассмеялся — и обнял Аэда, как родного брата. Вечер они просидели в той же таверне, что и накануне — а под конец Аэд повторил предложение, уже более настойчиво: если Арвину вздумается ехать куда-то, пусть он сперва заедет в Ланстеван. Хотел было заставить того поклясться — но Арвин и без того искренне пообещал сдержать данное слово и заехать непременно, даже если дорога не будет вести через ланстеванские земли напрямую.

Если меня на утро кто-то обзовет изменником или заговорщиком, вызову на дуэль, насмерть, — со свирепой мрачностью подумал Аэд про себя, ловя косые взгляды от пары зашедших в ту же таверну богато одетых незнакомцев со смутно узнаваемыми гербами на плащах: видел при дворе нынче. То ли тоже приехавшие из какого-то ларандфордства, то ли вовсе столичные.

Драться не пришлось, впрочем. А через двое суток Аэд действительно со своей свитой отбыл обратно — и пусть его душу бредило все то, что он узнал за такое короткое время в столице, дома ждало немало дел.

9

Оруженосца звали Тидно. Это был среднего роста веснушчатый паренек, крепко сложенный, с проворными ловкими руками — что по его серьезному, если не сказать слегка сонному лицу заподозрить было с первого взгляда сложно. Во всяком случае, если наблюдатель не отличался особым умом — пусть и казалось, что светло-карие, ореховые глаза паренька смотрят словно в себя, а не на мир вокруг — впечатление это было обманчиво.

На повесу Тидно не походил, одним словом. Он был юн, очень юн — только по этой весне гордо начал говорить в ответ на вопрос о возрасте, что ему уже есть шестнадцать — и для такой юности неожиданно ворчлив. Костер на привале он развел сноровисто, так же ловко снарядил небольшой бивак для короткого отдыха — и вскоре над углями уже готовилось нехитрое походное кушанье, похлебка с травами, не требующая тщательного присмотра. А после, развьючив лошадей, чтоб дать им отдохнуть и попастись, с дотошностью оглядел снаряжение. И в финале вовсе сел близ огня и пристроил на коленях щит, осматривая его со всех сторон.

— Эх, сир, говорил я вам, не нужно было красить щит поверх, — Тидно озабоченно поскреб обломанным ногтем край рисунка — белая краска нехотя отскочила сухой лушпинкой, открыв нижний слой, ярко-алый, огненный. И все равно пышный завиток хвоста изображенного на щите единорога, яростно взвившегося на дыбы, оставался словно обрубленным. — Хвост-то так и не отчистился до конца. А вы тогда заладили — поле и так белое, возьми краску попроще да закрась зверя, потом отмоешь. Уж лучше бы другой щит для турнира взяли, вовсе без рисунка, если все равно перекрашивать-то... Так-то оно конечно красиво, белый щит, белый плюмаж, таинственный рыцарь в сером шелке... но к чему было фамильного единорога под белой краской все же прятать?

Рыцарь, прохаживавшийся по краю поляны — он осматривал дорогу впереди и что-то прикидывал, шурясь на летнем солнце — вернулся к костру, уселся на обрубок дерева, накрытый лошадиным потником, и рассмеялся:

— Ну ты заладил, Тид! Ничего кошмарного в не смывающемся последнем пятнышке нет.

— Да некрасиво же, — пробормотал оруженосец. И засопел — малый он был упрямый. Уши у него чуть порозовели: спорить с господином делалось совестно, но юноша чувствовал свою правоту.

— Это щит, Тидно — и ты без меня знаешь: он примет на себя еще сотни ударов, что сорвут с него не только это злосчастное пятно краски, но и оставят вовсе ничем не выводимые следы по всей поверхности. Этот единорог создан для боя. И однажды он в нем разлетится в щепки, — рыцарь пожал плечами.

— И тогда мы возьмем новый щит, сир Арвин, — Тидно поднял взгляд на господина. — И клянусь, новый единорог на нем будет ярче прежнего!

Арвин меж тем со скуки точно так же, как и его помощник, перебирал снаряжение — оглядел зеркальную ясность клинка меча, проверил легкость скольжения кинжала в ножнах, попробовал пальцем кромку лезвия походного ножа. На последнем недовольно цокнул и протянул руку:

— Дай оселок, Тид. Ножу недурно бы поправить заточку.

— Я наточу! — всполошился паренек.

— За похлебкой вон лучше следи, — Арвин со смешком кивнул на попыхивающий котелок, и Тидно, тихо помянув Айтировы стрелы, сперва подал господину точильный камень, а потом, торопясь и обжигаясь, приоткрыл крышку, помешал варево длинной ложкой и перевесил посудину ближе к краю таганка. — Не прогоню я тебя, не суетись. Если уж согласился взять с собой — то слово свое сдержу. А что до щита — как ты видел, нас прекрасно узнают и без этого последнего завитка хвоста. Узнают — и даже, кто понаглее, плюют вслед.

На этих словах Тидно откровенно залился пунцовым жаром и сердито хлопнул себя по бедрам ладонями:

— Да как они вообще смеют, сир! Я бы им всем... ух! Да эти люди, если хотите знать, и волоса вашего не стоят, сир! На побегушках у раздающих подачки зазнаек, а туда же!

— Экий ты горячий парень, — Арвин усмехнулся, но тут же вновь посерьезнел. — Но в чем-то, признаю, прав. На счет побегушек и подачек особенно. И именно поэтому чувствуют себя безнаказанно, м-да...

Когда Арвин и его спутник проезжали недавно вблизи одного из замков, со стены высунулся пышно разодетый придворный, обремененный богатой цепью знатного господина на груди, но с суетливым лицом служки — камергер или кто он там, и велел проваливать из земель господина Гвадлориона. «Вас, предателей, даже в селе никто не станет кормить и привечать, клятвопреступники!» — бросил он напоследок. И добавил еще — «Я плюю на твой щит, Кайрланн. Предателю здесь не рады!» Слышно задиру было прекрасно, из чего можно было заключить: либо в стене имелось хитрое приспособление — «каменная улитка» или же, иначе, «ловушка звука», назначенная именно что усиливать слова говорящего близ раструба внутри стены, либо камергер Гвадлориона попросту воспользовался амулетом.

— Трусливая свинья, — отрывисто, скрывая наворачивающиеся от злости и обиды слезы, проговорил Тидно.

— Все так, — подтвердил Арвин, с любопытством поглядывая на своего оруженосца. Пригасшая было улыбка снова тронула губы молодого рыцаря: — Но, кроме того... помнишь поговорку? Дракону не стоит печься о мышах, снующих у его лап.

— Намеряете, что попытаться их проучить сейчас — это все равно что самому сравниться с суетливой мышью? — протянул с пониманием Тид.

Арвин только кивнул.

Ему, впрочем, не оставалось ничего иного. Имени у него не отняли — но, кажется, разлил он своим непокорством, а пуще того, особенно неудобными вопросами Беадвира и его прихлебателей из Круга куда как сильнее, чем казалось сперва. Имя осталось при нем — но мстительный Наместник приложил немало сил, чтобы очень многие теперь ставили знак равенства между именем Кайрланн и словом «предатель». Ну что же, Арвин тоже оставил за собой несколько размашистых штрихов в этой неудачной попытке примирения с Кругом. О некоторых самому Кругу только предстояло узнать.

— И то, что дома у нас теперь нет — я не соврал, Тидно, мы не можем вернуться. Во всяком случае если не никогда — то очень и очень долго не сможем, я говорил уже, и повторяю это снова. Но это не значит, что стоит равнять себя со всякой... швалью, — добавил Арвин, все еще чувствуя, что оруженосец хочет сказать что-то снова, но не решается.

— А я повторю, что за вами, сир, пойду куда угодно. Вы — лучшее, что осталось от родовой ветви Красного Единорога, уж простите меня, — в словах юноши скользнула снова задавленная было обида. — Но я не хочу всю жизнь жалеть о том, что мог сделать — и не сделал.

— Я тоже, — Арвин серьезно кивнул словам паренька. — Давай ужинать, что ли. И снова в путь — пока день долог и светел. Нам бы за сегодня еще хоть пяток лиг одолеть — а то мы так до граничных земель вовек не доберемся.

Лето было в разгаре. Выехал Кайрланн со своим оруженосцем еще в самом его начале — но сейчас могучая сила этого сезона развернулась во всей красе. Росные, туманистые утра северных гор постепенно оставались за спиной — дорога вела к югу, и с каждой лигой все яснее делалось знойное дыхание степей, летом долетающее аж до холмов центральных равнинных земель. В приграничье уже через пару часов после полного восхода светило входило в самый

пик горячего жара, и здесь нередко были засухи — оставалось лишь уповать на милость неба, которая после морозной зимы не пошлет скупое на дожди лето.

Тянулись дни пути — нанизанные на течение времени, как бусины на нить, точно так же, как и человеческие поселения — на нити дорог. Буйные и дикие темнохвойные леса сменялись сосновыми, а за ними и пронизанными светом лиственными, все менее густыми. Клены, ясени, каштаны — светлая листва, говорливые кроны. Сумрачный, заросший дубом, вязом и буком, а по северной оконечности — смешанными хвойниками, переходящий в вересковые пустоши могучий Лес-на-Холмах, в просторечии рекомый именем Коэбри, остался в стороне. Ни один путник в здравом уме не пожелает срезать дорогу через него без особой нужды. Таковой у Арвина Кайрланна не было — и поэтому путь его вышел дольше и извилистее, чем мог бы.

Могло показаться, что у опального рыцаря вовсе нет никакой цели — о том, куда и для чего он едет, он не слишком охотно говорил даже с оруженосцем. А тот и не настаивал — удовольствовался лишь пояснением: сперва навестим старого друга. Я обещал. Это в понимании Тидно вполне помещалось, и знание о том, что друга зовут Аэд форд Ланстеван, поясняло столь долгую дорогу: приграничные земли ларандфордства Ланстеванского и родные для самого Тидно и для его господина сира Арвина горы Кайрланн разделяли многие и многие лиги. Дорога и заняла почти полный оборот луны — и Тидно не думал роптать ни единого мига. стыдно было бы — особенно видя выдержку и стойкость своего господина. Тот, казалось, совершенно не тяготится походной жизнью — слишком скромной, на взгляд, пожалуй, любого из обитателей тех замков и поместий, что они успели миновать. Скромнее быт был только у разбойников лесных, наверное, тайком думал про себя оруженосец — в слух он этого, разумеется, не скажет ни за что.

К землям фордства Ланстеван Арвина и его спутника дорога вывела только к исходу второй дюжины дней пути — им пришлось миновать многие лиги среди равнин, перелесков, объехать немало болот и под конец вовсе среди невысоких южных гор искать удобный перевал — то есть такой, на котором можно было не опасаться засады, если говорить проще. Не то что бы приграничье не внушало Арвину доверия — по большей части он прекрасно успел увидеть: людей, что вышли на большую дорогу за поживой, хватает по всему королевству. Немного поспокойнее было только в ларанде Эрвенсин — наверное, лишь потому, что там многочисленные разъезды прочесывали леса и долины, а может, потому что эти земли они лишь самым краем проехали и не успели повидать сполна. Во всяком случае, через горы ехали с особым вниманием и опаской — но боги миловали очередных приключений.

С нескрываемым облегчением вздохнул Тидно уже когда им на дороге повстречался разъезд в табардах цвета спелой пшеницы с нашитым гербом — крепко стиснутой латной рукой, держащей три червлёные стрелы. Арвин побеседовал со страшим гвардейцем разъезда очень коротко, но остался в хорошем расположении духа после: имя и герб Кайрланна капитан признал, и был при том весьма учтив. Сир Аэд никуда не собирался отлучаться в ближайшие дни, насколько я знаю, сообщил вояка. Езжайте прямо в замок — у нас тут сейчас вроде бы тихо, люди делом заняты, так что и жулья всякого в долине не слишком много, добавил он. Арвину показалось — вполне уверенно. Ну а уж от волков да случайных каких напастей — за себя постоять сможете, это видно, покивал на прощание капитан патруля. Сможем, не волнуйтесь, сдержал улыбку Арвин.

А уж когда впереди, меж зеленых кущ у горизонта соткался туманный облик замка, Тидно и вовсе заметно воспрял духом, почти перестал ворчать и даже что-то насвистывал время от времени, по большей части развеселые песенки, с полными словами которые петь при господине явно стеснялся. Арвин про себя тихо усмехался: юный оруженосец хоть и умел все, что нужно уметь в долгом пути, а вряд ли когда бы то ни было раньше настолько много времени проводил в дороге, и это рыцарь отлично видел. Но попрекать мальчишку не собирался — в

конце концов, тот был тоже в каком-то роде Кайрланн, пусть и из давно вытершегося, обветшавшего и растворившегося в других ветвях септа, а значит, фамильное упрямство в нем тоже имелось. Вот это тихое и упорное «я пойду с вами, сир, просто потому что не могу не пойти — я ваш оруженосец» живо напомнило Арвину: свободная воля воистину великая сила.

Над замком трепетали знамена — в ярком синем небе реяли полотнища чуть поблекшего шелка, и Арвин, шурясь, насчитал три больших знамени и несколько вымпелов поменьше, узких и легких. Наверняка на половине — герб ланстеванского фюрдства, а на половине — та же латная рука, но с белым цветком, кроме стрел, усмехнулся про себя Арвин, и не ошибся. Подумал было — странно, ведь до Макушки Лета, летнего солнцеворота, еще должно быть несколько недель. Неужто они так сильно задержались в дороге?

О том, что знамена вывешат к его визиту, он и не думал: для этого надо было сообщить каким-никаким посланием заранее. Может, у Аэда и без того гости? Ну, значит, и нам место сыщется, заключил Арвин — и чуть поторопил коня. Мысль о долгом отдыхе после затяжной дороги показалась ему чрезвычайно привлекательной. Особенно — отдыхе в доме друга.

Дорога меж тем делалась все шире и лучше — и в замковые ворота гости и вовсе въехали по мощеной желтоватым камнем брусчатке. Аэд встретил их во дворе, сам: ему с башен доложили о путниках, едущих к замку. На нем был зеленый дублет, расшитый золотистой нитью у ворота и по плечам — нарядный, но небрежно распахнутый на груди: день выдался жарким.

— Как будто ты кого-то все-таки ждешь, друг мой, и вряд ли меня, — спешившись и ответив на братские объятия, заметил Арвин.

— Солнцеворот скоро. В Ланстеван к этому времени на летний малый турнир съезжаются очень рано — такую традицию завел еще Ольрик, и я решил... решил, что не буду ничего менять. Даже если нынче никто не приедет вовсе. Поэтому и знамена. А дежурные на башнях в приграничье всегда смотрят в оба. Я рад тебя видеть здесь, Арвин. Тебя и... твою немногочисленную свиту. Даже если ты не удосужился отправить вестника или даже простое письмо вперед!

Тидно на словах про свиту торопливо поклонился — не очень изящно, зато почтительно и почти до самой земли. Арвин оглянулся на оруженосца, коротко представил его и добавил:

— Я тоже рад встрече, Аэд. Что до отсутствия известия и немногочисленности нашего, хм, отряда... Приношу извинения и надеюсь, что ты все-таки простишь меня за небольшую невежливость с моей стороны. На то были причины.

— Извинения приняты, но о причинах я все равно бы послушал, — Аэд еще раз хлопнул гостя по плечу и жестом пригласил его за собой, со двора под крышу.

Попутно Аэд раздавал всевозможные распоряжения — короткие и емкие. Иногда Аэд и вовсе ограничивался короткими кивками — и встречные домочадцы торопились по своим делам. В замке каждый, видимо, неплохо знал свои обязанности. И уж о том, что о лошадях и любой свите — будь даже с Арвином еще с пяток, а то и дюжина слуг — позаботятся, сомневаться не приходилось.

— Полагаю, и ты, и твой оруженосец голодны с дороги?

— Тидно всегда голодный, как волчонок, возраст уж такой, — рассмеялся Арвин. — Но не стану кривить душой: за пирог с сыром и чашу вина я бы сам кого-нибудь загрыз без особых сожалений.

— Будет, все будет: и пирог, хоть сырнй, хоть с фидами, а к нему и жаркое, и вино, и эль, — Аэд ухмыльнулся. — Не самые роскошные, признаюсь — год не тот, чтобы особенно перебирать пряностями, сортами муки да мяса, но все-таки лучше тех, что предложит любой трактир, уверен.

Арвин не стал отказываться; и самое большое через час стол был накрыт — в просторном зале с гобеленами на стенах, где в летнюю пору было прохладно. За стрельчатыми высокими

окнами небо медленно окрашивалось в сочную бронзу и рыжину: летние дни долги, но прибыли в замок они уже далеко за полдень, и сейчас вечер вступал в свои права.

К этому то ли раннему ужину, то припозднившемуся обеду гость успел и сменить пропыленную одежду, и умыться с дороги, и отдохнуть, и сейчас не торопясь отдавал должное угощению. К тому же Аэд не соврал ни в чем — стряпуха в замке оказалась отличная, даже тощего козленка умудрилась приготовить с дикими травами так, что мясо вышло на диво мягким. Вино же Аэд добыл из старых запасов.

— Не знаю, что в этом году у нас получится собрать, — задумчиво проговорил он. — Может статься, выйдет мало и порядочная кислятина. Но поглядим. Поглядим...

И покатал в чаше рубиновую сладко благоухающую жидкость. Вино из погреба дышало свежей прохладой, а кушаньям уже было отдано должное — опустевшие тарелки унесли, оставили орехи, блюдо со свежими фигами — «в Тхабате уже собрали первые урожаи, зовут их весенними смоквами» да хлеб — мягкий, только из печи.

Арвин хоть и производил впечатление человека, уставшего настолько, что так бы и уснул вовсе с кубком в руке, откинув голову на спинку кресла, а все ж улыбался, шутил, рассказывал о всяких несуразностях и мелких происшествиях в пути — по его словам, дорога выходила пусть не самой спокойной, но скорее напоминала развлекательную прогулку. Только Аэд живо поймал за хвост ускользающие недомолвки в речах друга.

— Долго, погляжу, ехали? — спросил он напрямик.

— Почти полную луну. Нигде особо не останавливались, так, переночевать и снова в путь — вот и вышло, что буквально от порога до порога без заминок, — Арвин пожал плечами. — Цели у меня, кроме как заехать к тебе, особой не было. Решил сдержать обещание. Раз уж...

— Ты бросил поместье и остатки надела, так никого и не назначив вместо себя, как велел Наместник, — вдруг догадался Аэд. — Как ты там сказал тогда? Самое время принести обет вечного странствия? Ты, выходит, не шутил.

— Тебе бы в прорицатели, дружище. Тогда я думал, что все-таки лишь горько сострил, но, все взвесив, понял, что... что никто не получит этридского поместья, раз я все еще жив. И покорного повиновения во мне больше не осталось, уж извини.

— Да мне-то за что извинять, — Аэд усмехнулся. — Разве что я уже говорил: я бы охотно выслушал тебя, а ты все юлишь, друг мой. Точно лис у тебя на гербе поселился, а не единорог!

Арвин чуть усмехнулся — задумчиво, будто прислушиваясь к своим мыслям.

— Я просто пока с трудом представляю, с чего начать, — признался он. — Да ты и сам, Аэд, оказываешься не так-то прост. Я думал, застану... что-то другое в твоём замке. Нет, я вполне рад, что вижу — крепкий ларанд, налаженный быт. И что мои тайные опасения — насколько тяжело вам придется в этот год — не оправдались. Но не удивляться все равно не могу. У тебя на столе тхабатские фиго, — он указал рукой на остатки яств. — И это когда все в остальном Аскалоне полагают, будто в приграничье любой степняк, не важно, прикидывается ли он торговцем он или простым путешественником, — смертельный враг! Твои виноградники, убитые зимним морозом, как по волшебству к середине лета стоят зелены и пышны — во всяком случае, то, что увидел я, выглядит именно так...

— Еще скажи — я открыто принимаю в гости опального рыцаря! — Аэд рассмеялся. — Виноградники, ты прав, зелены — и мое сердце не нарадуется, видя это. Но на две трети это — юные лозы первого года высадки. Я не знаю, когда с них будет достойный урожай, тут я предельно честен. Пока что они годны только чтоб в их листья завернуть рубленую ягнятину, как те же упомянутые степняки делают. А что до инжира и прочих радостей... это все крохотный привет от старых друзей. Я сам не ожидал, что у Ольрика, оказывается, их было настолько много. И из Марбод Корту, и Этена... много и из разных мест.

Арвин покачал головой, изумленный. Аэд с любопытством склонил голову набок, видя, как расширились глаза его друга от неприкрытого удивления.

— Ладно, признаю, мы, кажется, друг друга стоим в умении петлять, точно лисы по первому снегу, — Арвин усмехнулся. — Обещаю, я расскажу о своих планах, когда пожелаешь услышать.

— Но лучше все-таки тебе выспаться, я вижу, — Аэд кивнул, потом встал, потянулся и отставил недопитое вино. — А знаешь что? Оставайся в Ланстеване, сколько захочешь. Я хотел бы, чтоб ты как минимум остался до Летних Огней, ну а там, если твоя воля будет задержаться еще, и если никуда не спешишь — будь гостем сколько угодно.

— Не спешу. Совершенно. Мне пока некуда спешить, — Арвин кивнул. — Так что до солнцеворота точно... а там видно будет. Только надо будет придумать, чем заняться на досуге — а то я с вашими приграничными угощениями раздобрею, что в латы не помещусь!

Аэд буйно расхохотался:

— Не волнуйся, я как-то вот все еще не раздобрел, значит, и тебе такое не грозит! Или ты в дороге настолько напостился во славу рыцарского благочестия, что тебе простое жаркое из козленка за пир самого короля Гвидиона кажется?

Арвин смущенно почесал кончик носа — и Аэд догадался, что невольно попал в точку: вряд ли две верховые лошади увезут много припасов, даже если регулярно охотиться и рыбачить в пути, да порой заезжать в таверны, двум молодым воинам пришлось наверняка питаться очень скромно.

Аэд кивнул в сторону окна:

— Солнце клонится к закату — а и я на ногах с рассвета. Ни в чем не знай стеснения, друг мой — я уже распорядился обо всем, но потребуются еще что — смело зови слуг. Мой дом — твой дом.

— Мой щит — твой щит, — мгновенно отозвался Арвин. — Всегда.

Аэд даже бровью не повел — хотя это были очень старые и очень церемонные слова. Их произносили или скрепляя рыцарские, воинские обеты дружбы и побратимства, или вот в так называемой клятве гостя, как в легендах о Лесном Рыцаре: нарушить ее точно так же было невозможно, как и клятву, приносимую именами богом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.